

18+

Андрей Коцарев

Небывалое лето

Андрей Коцарев

**Небывалое лето. Жаркий
август сорок второго**

«Издательские решения»

Коцарев А. В.

Небывалое лето. Жаркий август сорок второго / А. В. Коцарев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-693434-4

Повесть в жанре военной фантастики о нашем современнике, оказавшемся в Сталинграде за несколько дней до 23 августа 1942 года и пытающемся в силу своих знаний изменить ход событий. В повести приведены цитаты реальных исторических документов августа 1942 года, действуют реальные лица, которые в силу разных причин делали или не делали все от них зависящее, чтобы избежать дальнейшего.

ISBN 978-5-00-693434-4

© Коцарев А. В.
© Издательские решения

Содержание

НЕБЫВАЛОЕ ЛЕТО	6
Есть вещи, которых нет	7
Автор	8
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	40
14 августа 1942 г., пятница	40
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Небывалое лето Жаркий август сорок второго

Андрей Владимирович Коцарев

© Андрей Владимирович Коцарев, 2026

ISBN 978-5-0069-3434-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕБЫВАЛОЕ ЛЕТО

Есть вещи, которых нет

Автор

Глава 1

Он вышел из метро и быстрым шагом пошел мимо прилепившегося на небольшой площади торгового центра, обходя блестящие под умытым только что прошедшим дождем солнцем лужи. На одной из такой переминок, где со встречным не разойтись, нагнал какого-то худосочного азиата – тот, почти такой же загорелый, как и он сам, топтался на полутора квадратных метрах, словно что-то ища и пытаясь спрашивать спешащих навстречу прохожих:

– Чего тебе, – спросил Игорь, – невольно отзываясь на встречное движение трудового мигранта.

– Денга менят, – почти по-русски заговорил тот и протянул раскрытую ладонь, на которой тускло блестели крупные для нынешних кругляши монет, – дача ремонт делал, денга нашел, домой надо ехать.

Игорь глянул – на него справа явственно смотрел практически всегда, когда бы его ни показывали, благообразный Николашка, прозванный Кровавым, но более известным под ником Второй, из-под него выглядывали еще две коронованные на российский трон особы – изрядно потертая императрица российская Елизавета и сильно потертый, и потому еле узнаваемый, – рубщик русских окон в Европу – Петр Алексеевич, именуемый Первым.

– Тебе к антиквару надо, – продолжая мельком рассматривать монеты, сказал Игорь, – несколько тысяч может дать. Только тут нигде нет, тебе в центр надо ехать.

– Сам купи, да, зачем антивар, – коверкая слова, зачастил тот, отчаянно мотая головой, – пят тыщ дай! Хочешь, бери! Домой ехать надо! – снова повторил и он махнул рукой в сторону недалекой автостанции, где с баулами и сумками вечно толпился приезжий люд, разъезжающийся из первопрестольной по своим окраинам.

Игорь на пару секунд задумался, вспоминая, сколько у него с собой есть. Наликом где-то около восьми, выдал внутренний голос, пять в бумажнике, остальное в кармане.

– У меня только две с половиной, – признался Игорь, чувствуя, что так неожиданно намечающаяся сделка нравится ему все больше. Азиат с мучительной гримаской отвернулся, заелозил верхней частью туловища, словно чешась, затем что-то сказал по-своему, вздохнул и на втором выдохе согласился.

Монеты и деньги споро поменялись местами, полтора квадратных метра асфальта наконец-то опустели, освобождая столь необходимый в условиях нехватки суши проход, и жизнь потекла своим чередом, умножив ряды осчастливленных на этих двоих, направившихся в противоположные стороны. Азиат радостно дернул в сторону больших двухэтажных автобусов, а Игорь пошел дальше от метро, в дома, ощущая в правом заднем кармане джинсов новую тяжесть и чувствуя иногда редкий перестук; вскоре не выдержал – запустил руку к правой ягодице, пошуровал в кармане и выудил пухлую лицом, как он и помнил по ее виденным давным-давно портретам, Лизку. Серебряный рубль 1762 года лежал в его ладони, блестел благородной патиной и парой-другой заработанных долгой жизнью мелких царапин.

Сколько он может стоять, думал Игорь, разглядывая нежданно свалившееся на него мимолетное богатство, – тысяч восемьдесят или даже сто, вышагивая вдоль припаркованных автомобилей. Завтра же поеду продам или, в крайней мере, приценюсь. Задумавшись, он стал обходить какой-то коряво поставленный вдоль дороги джип с туфелькой на заднем стекле, сделал пару быстрых шагов в бок и вдруг полетел куда-то от сильного удара неожиданно вылетевшей навстречу ему машины. Последним движением он успел судорожно зажать драгоценную монету в кулаке, а потом рухнул в темноту. Очнулся он, когда уже стемнело, и висел непривычный для этого лета весьма густой туман; болела голова – на левом виске набухла большая, уже чуть смягчившаяся наощупь, шишка, саднило бок, локоть и плечо, во рту стоял привкус крови. Он сплюнул набравшийся тягучий сгусток, едва не закашлявшись, но смог освободить

забитую носою, потом выругался и сплюнул еще раз, не обнаружив в карманах ни бумажника, ни телефона. Вот гады – сбили, увезли черт знает куда, так еще и бумажник с телефоном сперли, клял на чем свет стоит он, чтоб вам пусто был, козлы, иногда добавляя бесполезные сейчас матюки.

Его трясло, он никак не мог понять, где его бросили: чувствовалось, что где-то недалеко река – там туман был особенно густым и влажным, стояла редкая тишина. Пахра, что ли, думал Игорь, вслушиваясь, чтоб хоть какой-то различить звук и осторожно, стараясь лишний раз не трясти раскалывающуюся от налитой болью голову, спускаясь к воде, или все-таки Москва-река? Он медленно нагнулся к ней, подавляя стон, болезненно расстегнул и снял рубашку и стал промывать ссадины, потом намочил рубашку и приложил ее к распухшей голове, чувствуя, как понемножку легчает. От воды раны зашипало, темные капли падали в воду и медленно, словно нехотя, расплывались, постепенно окрашивая воду у самой ее кромки. Заразы бы не занести, подумал он, погружая руку глубже, и вдруг услышал какие-то звуки со стороны реки – будто кто-то периодически плескал. Игорь привстал, еще раз намочив рубашку в холодной воде и стараясь не попадать ею в расплывающееся буро-розовое пятно, стал вглядываться в колыхающийся перед ним туман – там явно кто-то плыл, работая веслом и медленно приближаясь.

– Эй, – позвал он, – сюда, я здесь, – когда вдруг выхватил в клубящейся дымке неясный силуэт, выплывающий почти прямо на него. Это действительно была лодка, удлиненная, резко расширяющаяся сразу от носа, а потом почти сходящая на нет в корме, где кто-то сидел в каком-то белесом плаще. Прошипел-проскрипел по песку киль и лодка уткнулась в берег, выйдя из воды на пару шагов. Игорь и мужик, что сидел в лодке, молча разглядывали друг друга несколько секунд, затем заговорил Игорь.

– Слушай, меня машина сбила, а потом эти уроды меня сюда привезли, – он показал рукой куда-то себе за спину, где пришел в себя, – ни денег, ни телефона, жена, наверное, волнуется – всех друзей уже обзвонила, небось, меня ища, помощи, а!?

– Могу на тот берег перевезти, – спокойно отвечал сидящий в лодке.

– Давай, – и Игорь стал толкать лодку, чтобы сесть, – а то мне домой надо, в Москву. Его замутило, и он, стараясь не упасть в воду, отшатнулся назад. – Вот ведь блин, как башка гудит, – словно оправдываясь перед лодочником за свою неловкость, сказал он.

– Сейчас, подожди, оклемаюсь чуть-чуть, – теперь наклоняясь вперед и гася небольшую качку. Лодочник все также спокойно смотрел на него, будто видел такое уже сотни или даже тысячи раз, кивнув головой в ответ, мол, конечно, подожду, чего уж там, или это волна просто качнула лодку. Игорь кое-как залез в нее, упираясь в борта руками и усаживаясь в самой широкой ее части, мужик оттолкнулся от берега, не спеша разворачивая свою посудину.

– Спасателем, что ль, работаешь, – чтобы не молчать, вновь заговорил Игорь, – на лодочной станции или так извозом занимаешься?

– Извозом, – отвечал тот, полностью развернув лодку, – деньги-то есть?

– Да я ж тебе говорю – обчистили меня эти сволочи – ни денег, ни телефона! Хотя нет, подожди, подожди! – воскликнул он, видя, что мужик отчего-то нахмурился и собрался переложить весло, – есть у меня деньги, есть. Вот, смотри! – и он извлек из заднего кармана два разномастных кругляша, удивившись, как их не взяли, и показал мужику. Тот глянул на них со своего места, кивнул головой, мол, годится, и в несколько размеренных движений ушел на стремнину. Берег тут же пропал, и они теперь плыли в каком-то вязком сером тумане. От темной воды тянуло таким жутким холодом, что Игоря пару раз невольно затрясло. Скорей бы уж, думал он, прикрыв глаза от боли и шума в голове.

– Сходи давай, – услышал он сквозь подступивший коматоз голос лодочника, – прибыли, расплатись только сперва. Игорь открыл глаза, всматриваясь в подступающий ближний берег; к удивлению, он был точно таким, как и тот, который он оставил несколько минут назад –

такой же тихий, темный и по нехорошему безлюдный; привстал и протянул лодочнику одну из монет. Тот быстро принял ее сухими цепкими пальцами, стал уже убирать куда-то в одежду, в складки, как вдруг снова переменялся в лице, выпростал руку обратно и стал пристально ее рассматривать, потом потер крепким ногтем и протянул молча обратно.

– Что, не годится? – удивился Игорь и дал ему другую, что поменьше – николаевский рубль 1912 года. Лодочник также придирчиво осмотрел и его, а затем неожиданно бросил Игорю так, что он еле смог его поймать.

– Нет, так не пойдет, – недовольно сказал мужик Игорю, – мне твои фальшивки не нужны – я тебя за них не могу перевезти.

– Как фальшивки, – удивился Игорь такому всезнанию лодочника, – мы же переправились, – и он показал на полоску суши в каком-то метре от них.

– Не могу, и все, – угрюмо отрезал мужик, разворачивая лодку назад, – я за поддельные не перевожу, – ожесточенно ударяя веслом по воде. Лодку изрядно закачало, и Игоря опять замутило, словно от приступа морской болезни. Вдруг через несколько широких гребков лодка резко практически встала – это лодочник почему-то погрузил весло, неожиданно останавливая ход.

– Ять, да что ж это такое! – выдал Игорь за очередным приливом крови к голове от такого неожиданного торможения, и его начало рвать давешним бизнес-ланчем за борт.

– Вылезай, – вдруг услышал он, – сигай в воду: я таких, как ты, не могу задаром возить!

– Это почему еще! – возмутился Игорь, медленно вставая в шаткой лодке от подступающей злости, расставляя шире ноги и отирая рот, – какого хера!

– А потому, – зло отвечал лодочник, – что на тот берег ты с лодки сойти не можешь, понятно!?

– Да ни хера не понятно, – взъярился Игорь, – ты обурел, что ли, совсем, гад, тогда на какой берег мне можно сойти, – надвигаясь на того. – Что за день за такой, ять. Ты у меня сейчас сам сиганешь, падла. Ты кто такой есть!?

Он уже приподнялся и успел сделать еще пару мелких шажков, ощущая просто звериную необходимость выплеснуть все то, что в нем накопилось за это время, когда лодочник неожиданно быстро сам вскочил, говоря что-то ему в ответ и становясь на одно колено, неуловимо в своем одеянии качнул плечами: размашисто прошелестело, роняя мелкие попутные капли, широкое весло и гулко стукнуло Игоря по ребрам чуть ниже сердца, кулем его, охнувшего от боли и сбитого дыхания, вышибая за борт; он едва успел судорожно глотнуть воздуха, как холодная вода сомкнулась над ним, вдавливая вниз, ко дну... Он, сперва растерявшись, теперь отчаянно, как учили в дайвинг-клубе в «Олимпийском», куда он несколько лет назад частенько захаживал, работая руками и ногами, рвался вверх, боясь, что в этой крошечной тьме может перепутать направление, но пузырьки воздуха, которого оставалось все меньше в стиснутой речным холодом груди, показывали, что рвется он именно туда, куда надо...

Глава 2

– Михалыч, вон тот, кажись, жив, тяни его шибче, – сквозь какую-то серую пелену донеслось до Игоря за пару секунд, когда он, хрипя и кашляя, выставил голову из воды и, словно кусая огромный кусок, будто бы зная, что уже еды не будет, разом втянул в себя спасительный воздух, снова уходя под воду, хватаясь руками за все, что могло бы его хоть немного удержать и успевая краем сознания отметить, что вокруг него посветлело, туман расплылся на большие увесистые клочки и где-то вверху даже пытается пробиться солнце. Он схватился за какой-то болтыхающийся на поверхности мешок, но мешок, нехотя качнувшись, с некоторым усилием медленно пошел вслед за ним, и как раз именно этого усилия хватило, чтобы заметить, как перед глазами вдруг появилось что-то, смутно похожее на багор и багром же и оказавшееся; он схватился левой рукой и почувствовал, как его тащат, спасая от неминуемой гибели. Его подтащили к борту какого-то маломерного катерка, схватили за руки и стали тянуть вверх.

– Лезь давай, парень, чтоб тебя, кабана, – материл его тот, что был справа, – да брось ты этот чертов мешок!

Левый же был явно слабее, почти уже не тянул, а только мешал схватиться рукой, от чего Игорь завис в раскоряку. Он стал тянуть руку на себя, чтоб опереться и вылезти; его же тянули в обратную сторону – пришлось с силой дернуть руку, чтобы освободиться. Тот, что тянул его, едва сам не упал в воду от такого сильного рывка, и Игорь, наткнувшись на его взгляд, понял, что перед ним еще почти подросток.

– Уууу, – замычал Игорь, наконец-то влезая на борт и валясь на узкую палубу, стараясь прижаться к обрубку низенькой рубки и рыча, и отплевываясь от попавшей вовнутрь организма воды.

Спасатели или спасители тотчас бросили его, как будто его вовсе и не было только что, и опять висли на низком леере, напряженно всматриваясь в воду.

– Вон, вон, смотри, – закричал паренек, схватил спасательный круг и бросил его куда-то в сторону, наступив ему на ногу.

– Ноги-то подбери, чего разложил на проходе! – прикрикнул он на Игоря, и тот сообразил, что спасшему его парнишке едва исполнилось четырнадцать или пятнадцать лет. Он потянул ноги, удивленно отмечая черные широкие чужие штаны и черные же несуразные для него, Игоря, ботинки, к себе и медленно поднял голову, осматриваясь: сейчас он полусидел на борту какого-то небольшого судна с низкими бортами, ибо вода плескалась совсем близко от него, на ней, сколь хватало глаз, виднелись многочисленные темные пятна, отливающие радужным, плавали какие-то вещи, барахталось несколько человек, один из которых вцепился в круг и, поддерживая еще одного, выгребал к ним. Паренек едва тащил их к катеру, скользя по мокрой палубе, тогда Игорь вцепился в конец и с силой потянул, упираясь ногами – круг стал двигаться гораздо быстрее и через несколько секунд спасенных стали вытаскивать из воды. Это были две девушки – две сестры, как выяснилось потом, Люда и Ольга. Мокрых и бледных, их била нервная дрожь, цветастые летние платья прилипли к фигуристым телам, но поверх надетые кофточки и прижатые к телам узелки с вещами скрадывали проглядывающее очарование юности. Игорь, по привычке отметивший обводы, тут же отвел глаза и стал помогать пареньку, оказавшимся Василием, вернее, почти заменил его: им удалось вытащить еще двоих – женщину с маленьким сыном, который вцепился в мать мертвой хваткой и никак не хотел ее отпустить.

– Доча, доченька моя, – всхлипывая, смотрела она невидящим взглядом на катящуюся реку, на которой уже почти ничего не было видно, только под каким-то цветастым тряпьем метрах в пятнадцати будто еще что-то шевелилось, – будьте вы прокляты, изверги, – и вдруг завывала протяжно, медленно оседая на палубу. Девушки подхватили ее и малыша, помогли сесть, стали, как могли успокаивать.

Игорь свалил мешок с руки, в три шага сильно оттолкнулся, и с леера, мимо паренька, набрав полную грудь воздуха, рыбкой, почти сразу уходя на метр-полтора вглубь, как его учили несколько лет, вонзился в реку – там, под водой, тонуло судно, оседали обломки, мешки, тряпье и уже не люди, а тела, наверх поднимались пузыри воздуха и разводы топлива. Он выпростал руки вперед и одной из них наткнулся на что-то податливо-твердое, схватил это и с силой толкнул вверх на чистую воду, выныривая вслед. Девочка не подавала признаков жизни, но Игорь уже почему-то знал, что спас ее, вновь через несколько гребков хватаясь за знакомый багор, протянутый с катера. Женщина бросилась к ним, но Игорь не пустил ее, а перекинул утопшую вниз головой через леер и сильно надавил в области груди, выгоняя воду – она хлынула изо рта и носа, девчушка судорожно закашляла, затряслась и медленно открыла глаза и позвала.

– Мама, мама...

– Господи, Верочка, – вновь бросилась к ней мать, обнимая ее и целуя, – а я уже не чаяла, – и зарыдала. – Спасибо тебе, спасибо, – смотрела она на Игоря, отирая слезы, – век буду за тебя молиться. Как зовут тебя, парень, скажи?!

– Игорем зовут, – отвечал он, помогая им устроиться поудобнее, насколько это было возможно на узеньком, не больше трех-четырех метров в ширину, суденышке.

Михалыч – пожилой кряжистый мужик лет к шестидесяти, – что оказался капитаном этого катера, подвинул два деревянных ящика и помог им сесть, а потом с другого борта принес большой кусок брезента и стал укрывать им спасенных женщин и детей.

– Согрейтесь вот, а там уже и берег скоро, – говорил он, разворачивая брезент, – там все кончится, потерпите, бабоньки.

Потом он снял с головы форменную фуражку, пригладил изрядно поседевшие волосы, и как показалось Игорю, быстро едва заметно перекрестился, глядя на реку.

– Где я, – спросил Игорь стоящего рядом с ним юнгу, как про себя прозвал он подростка, увидел его восторженно-недоуменный взгляд, поправился, – где мы? – тот продолжал обалдело смотреть, ничего не говоря, – где мы сейчас?!

– Эк тебя контузило-то, – широко расставляя ноги, подошел Михалыч к нему вплотную, – на Волге мы матушке – и, показывая на приближающийся и все больше открывающийся берег, на котором проступали под встающим солнцем многочисленные дома и здания, закончил, – идем в город с грузом из Красной Слободы. На-ко вот, курни, – он полез во внутренний карман своего бушлата, но Игорь отрицательно замотал головой, поморщившись от накатившей боли.

– Васька, смотри, давай, за берегом – подходим скоро, напутствовал он парнишку, – и сидор вот товарищу подай. Тот молча кивнул и шустриком метнулся к лежащему на палубе мешку, почему-то сохранившего свою выпуклую форму, вручая его Игорю.

– Спасибо, Василий, – сказал он, и, вспомнив, как толкнул его, старающегося помочь, повинился, – извини, коли я тебя тогда чересчур двинул.

– Да ладно, – чутка встрепнулся тот, – не за что, – и лицо его, до того напряженное и бледное, несмотря на загар, вмиг осветила задорная мальчишеская улыбка.

Игорь тоже присел. Ять, вот это я попал, билось у него в мозгу, как такое могло случиться. Упершись взглядом в чужую одежду, внимательно посмотрел на руки – руки были не его, чужие, хотя и сильно похожи – узловатые сильные пальцы, крупные кулаки, рельефные костяшки с несколькими шрамами. Лицо... он резко встал, едва случайно не задев Михалыча, и подошел к рубке, нашел отражение на стекле – это был не он и он одновременно, только почему-то как будто моложе на десяток с гаком лет. Он видел неуловимую разницу во взгляде глаз, в линии бровей, более широких, чем у него, в линии рта...

Что за херня, выходит, это не совсем я, кто-то другой, только очень похожий, лихорадочно проносилось в мозгу, так, стоп, что я помню: Игорь закрыл глаза, словно прогоняя наваждение, но помнил только то, что с ним случилось: короткий пятничный рабочий день в офисе, возвращение на метро, встреча с азиатом, монеты, удар автомобиля и провал в темноту, лодоч-

ника... При воспоминаниях о лодочнике его передернуло; что же он мне крикнул в последний момент, когда двинул веслом, но слово не всплывало, не вспоминалось.

Он повернулся от стекла, огляделся вокруг еще раз: река уже успокоилась и, как ни в чем не бывало, опять несла свои воды, за спиной быстро вставало яркое солнце, в небе плыли небольшие облачка, кроме тарахтения двигателя, уже почти затихших женских всхлипов и птичьих криков больше ничего не было слышно.

– Что, бомбили? – спросил он, поворачиваясь к Михалычу.

– Нет, – отвечал тот, – не было пока их, – цепко посматривая на Игоря, – это мина, видать.

Заметив, что Игорь удивился, тот пояснил: он, почитай, уже с месяц их кидает у Камышина и выше, течением их сносит сюда, вот она под кормой и оказалась, совсем малость, и проскочили бы, – смотря на грязные пятна мазута, пыхнул сигаркой, и, не договаривая, спросил сам: Ты-то сам кто будешь? Вон какой, а не на фронте, – намекнул речник на статью и возраст спасенного.

Вопрос застал Игоря врасплох.

– Я... Меня Игорем зовут Тереховым, – он осторожно поднес руку к голове, трогая место удара и чувствуя, что гематома ощутимо сползла на правый глаз, ухо и скулу. – Так это, броня у меня, хотел добровольцем пойти, а не берут. На завод отправили, и вот такая...

– *Что ты несешь, – горячо шептал ему внутренний голос, какой завод, кто направил, откуда, по какому случаю, ответит он сейчас тебя в энкавэдэ, и все, приплыли.*

– Вот засада, почти ничего не помню, – продолжал он вслух, – документы в пиджаке были, а я-то при посадке его снял.

– Хорошо, что живым остался, паря, – хлопнул его по плечу Михалыч, переводя взгляд на уже вполне спокойно посматривающих в их сторону из-под импровизированного пледа женщин, – а документы опосля справишь заново.

– Ладно, прорвемся, – в тон ему отвечал он, смотря, как катер, выписывая небольшую дугу, начал причаливать к пристани. Василий бросил конец, катер подтянули и сразу же кинули широкие сходни.

Несколько грузчиков, уже стоявших тут заранее, споро стали разгружать с кормы деревянные ящики на берег, а затем поднимать наверх, где стояли два грузовика, посматривая в сторону спасенных, ведь все происходило на их глазах. Волга здесь была где-то с километр шириной, и Игорю и всем остальным сильно повезло, что попалось встречное судно – запросто могли утонуть все. Началась разгрузка: Игорь попробовал поднять один ящик; к его удивлению, организм отреагировал гораздо спокойнее на тяжесть в руках, и Игорь понес его за остальными. За каких-то пятнадцать минут они разгрузили доставленное; женщины, еще раз побла-

годарив и поднявшись наверх, еще раньше ушли в город. Игорь от работы согрелся, рубашка его высохла, да и штаны изрядно подсохли. Он наклонился, чтобы отряхнуть испачканные в прибрежном песке брючины, как в глазах неожиданно потемнело и его снова повело. В голове что-то будто щелкнуло, и перед внутренним взором откуда-то появился текст:

К 1940 году Сталинград фактически состоял из четырех отдельных частей, что было обусловлено историческим развитием и своеобразным ландшафтом. От р. Царица до Мамаева кургана раскинулась центральная часть города, застроенная высокими кирпичными домами, в том числе многоэтажками, видимыми за десятки километров. Далее к северу, по всему высокому берегу Волги, тянулась промышленная зона, где большие корпуса цехов перемежались с погрузочными пристанями, нефтехранилищами и складами. От них в западном направлении уходили бесконечные однообразные кварталы рабочих поселков.

К югу от центра, за Царицей, находилась древняя историческая часть Сталинграда, состоящая из домов постройки XVIII – XIX вв. Самым высоким строением здесь был элеватор, словно колосс, возвышающийся над одно-, двухэтажными домишками. Далее к югу на нескольких холмах были разбросаны поселки, входившие в Кировский район города: Бекетовка, Сарепта, Красноармейск. Их венчали корпуса Сталинградской ГРЭС, которые также было видно за десятки километров.

Исторические районы Сталинграда имели следующие названия: Кавказ (русло Царицы, правый берег), Балканы (между Комсомольским садом и тюрьмой), Большая и Малая Франции (западнее «Красного октября»)

К началу войны в Сталинграде проживали почти 450 тыс. человек, работали 126 промышленных предприятий. В городе имелись 124 школы, четыре вуза, четыре театра и цирк, множество кинотеатров, в т.ч. летний, находившийся около Мамаева кургана. Центром торговли в городе был ставший впоследствии известным на весь мир Центральный универмаг. Промышленная зона соединялась с центральными кварталами несколькими трамвайными маршрутами...

– Бляха-муха, – вырвалось у него, когда он все-таки смог не свалиться плашмя лицом, а потихоньку осесть на бок.

– В госпиталь тебе надо, паря, – сказал подошедший Михалыч, – а то, не ровен час, свалишься где-нибудь.

– Знать бы, где он, – отвечал Игорь, – я ж не местный.

– Так Васек тебя проводит – ему все равно туда, к тетке, в больницу речников – тут недалеко, за Царицей на КИМ...

– Какой царицы? – не сразу понял Игорь.

– Река такая – Царица. В честь нее и город назвали Царицын, а в 1925 году в честь товарища Сталина назвали.

– Теперь понятно, – наконец-то окончательно осознавая, куда его занесло.

– Бывай, паря, может, еще свидимся – он протянул ему руку, – да сидор свой не забудь.

Василий в очередной раз принес ему вещевой мешок; он было решил уже глянуть, что в нем, но необходимость присесть и нагнуться в полуобморочном состоянии отбили наметившееся желание. Как-нибудь позже, подумал он, закидывая его на плечо.

Они с Михалычем попрощались, и Василий повел его в больницу.

– Ну, куда идти, Сусанин? – пытаюсь оживить себя, спросил он паренька, – давай показывай, что тут у вас где.

Василий недоуменно глянул на него, видимо, пытаясь понять, о чем идет речь; похоже, царских спасителей здесь в силу классовой сущности не жаловали, сообразил Игорь, замолкая. Они молча поднялись с берега на широкую набережную, всю в сирени и цветах, оставляя здание речного вокзала справа. Подладившись под шаг провожатого, он вскоре шел с ним наравне, по московской своей привычке, норовя обогнать. Царица, ким – ну и названия...

Что-то знакомое послышалось Игорю в последнем слове, знакомое прежде, но сейчас позабытое. Явно не Ким Ир Сен, – усмехнувшись, думал он, шагая рядом, и, не удержавшись, спросил: А КИМ – это что? Улица, поселок?!

– Улица такая, – просто ответил тот.

– А в честь кого назвали?!

Василий сперва даже не понял, о чем идет речь; в очередной раз глянул на него и, словно для маленького неразумного дитяти, отдельно произнес: ким – это коммунистический интернационал молодежи.

За разговором они вышли в какой-то небольшой сквер, с трех сторон окруженный каменными, в четыре, пять и шесть этажей, домами, на одном из которых висела табличка «улица Володарского», прошли совсем чуть-чуть и свернули налево, теперь на Астраханскую, к трамвайным путям, что видимо спускались вниз.

Мимо них, несносно пыля широченными клешами, совсем нестроевым шагом, вразвалочку, прошел взвод моряков, блестя винтовками и забирая правее.

Из моряков, находившихся в полуэкипаже, был сформирован сводный батальон, который вместе с другими частями и направили к тракторному заводу. Как утверждает Н. Г. Кузнецов в своей книге «На флотах боевая тревога», тот батальон насчитывал всего 260 бойцов, которые были вооружены 180 винтовками, 12 ручными пулеметами и 14 автоматами; командовал этим батальоном капитан 3-го ранга П. М. Телевной.

Слабо был вооружен этот батальон, но с утра 24 по вечер 26 августа, пока оборону этого района не взяла на себя 124-я стрелковая бригада полковника С. Ф. Горохова, он стоял насмерть. Больше того, совместно с 282-м полком НКВД и с танками 99-й бригады этот батальон выбил противника из Латышанки. Почти весь личный состав этого сводного морского батальона пал смертью храбрых в тех неравных боях.

– В штаб флотилии пошли, – заметил паренек, – тут недалеко в здании Дворца физкультуры и спорта, на Пушкинской.

У Игоря вдруг на несколько мгновений померкло в глазах, а в висках словно застучали молоточки – он ухватился за развесистый столб электропередачи и простоял так, пока в голове все снова не успокоилось. А еще ему показалось, будто в мозгу с огромной скоростью пронеслась бегущая строка...

«... Непосредственно перед войной здесь располагался Дворец физкультуры и спорта. Летом 1942 года в здании театра был размещён штаб и часть личного состава Волжской военной флотилии под командованием контр-адмирала Дмитрия Дмитриевича Рогачева. Основной задачей флотилии было обеспечение коммуникаций на Волжских переправах. Корабли флотилии проводили караваны судов, очищали фарватер Волги от мин. Именно из здания будущего театра Музкомедии велась координация всех боевых действий флотилии.

К сентябрю 42-го линия фронта подошла к Волге. В тяжёлых боях удержать здание театра не удалось, и немецкие войска заняли его. Немцы оборудовали орудийные позиции прямо у ступеней лестницы, выводящей из главных дверей к Волге, стреляли из окон, сооружая в них небольшие огневые точки...»

Почти тут же перед глазами появилось фото расчета замаскированного под кучу мусора немецкого орудия, наведенного на Волгу, буквально в трех-четырех метрах от которого находился обложенный мешками с песком один из входов в здание театра...

– Откуда я это знаю, – мелькнуло внутри, – почему?!

Он кое-как разобрал, что его спрашивал Василий, помотал головой, мол, все нормально, а сам пытался вспомнить, почему ОН ЭТО ЗНАЕТ.

– Так ты сам-то сколько времени просидел за компом после просмотра «Сталинграда» Бондарчука!? Что только не перечитал: мемуары, воспоминания, дневники, донесения штабов, приказы, сводки, письма... Ты же знаешь об этой битве в тысячу раз больше любого ее участника, – напомнило о себе второе я. – Давай теперь впрягйся в текущий момент. Вот что ты знаешь о Волжской военной флотилии?

Опять секундное мельтешение в голове:

«...К началу боевых действий летом 1942 года в состав Волжской военной флотилии входили канонерские лодки, бронекатера, плавучие батареи, катера-тральщики, тралбаржи и полуглиссеры; кроме того, при мобилизации флотилию дополнили невооруженные катера-тральщики и катера ПВО. Канонерские лодки и бронекатера составляли 1-ю и 2-ю бригады речных кораблей, а тральщики и несколько бронекатеров – отдельную бригаду

траления в составе двадцати шести катеров-тральщиков. В 1-ю бригаду речных кораблей входили дивизион канлодок – «Усыскин», «Громов» и «Руднев», дивизион бронекатеров – 12 единиц; отряд сторожевых катеров – 6 единиц; отряд полуглиссеров – 10 единиц; батальон морской пехоты); 2-ю бригаду составляли дивизион канонерских лодок – «Киров», «Федосенко», «Чапаев» и «Щорс», дивизион плавучих 152-мм батарей N 97 и 98, а также отряд бронекатеров из 4 единиц; сюда же входил отряд полуглиссеров и батальон морской пехоты. Отдельно действовал Северный отряд бронекатеров и тральщиков. Флотилию дополняли 68-я отдельная железнодорожная батарея и 2 батальона морской пехоты.

Командовал флотилией контр-адмирал Д. Д. Рогачев, в прошлом балтийский матрос, участник Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, который имел большой опыт службы на Амурской флотилии, участвовал в разгроме белокитайской флотилии в 1929 году. С началом войны он успешно руководил боевыми действиями Пинской флотилии летом и осенью 1941 года.

В период битвы за Сталинград, с 24 июля 1942 до конца января 1943 года, Волжская военная флотилия оказалась в оперативном подчинении командующего войсками Сталинградского фронта. Она поддерживала сухопутные войска огнем, высаживала десанты, охраняла речные коммуникации, перевозила войска и военные грузы под непрерывным воздействием артиллерии и авиации противника. Корабли и суда флотилии совершили более 35 тысяч рейсов через Волгу, доставив на правый берег около 120 тысяч человек, 13 тысяч тонн грузов, более 400 автомашин. Артиллерией Волжской военной флотилии были уничтожены 3 полка пехоты, 48 танков, 16 самолетов. За проявленный героизм два дивизиона бронекатеров были удостоены звания гвардейских, две канонерские лодки наградили орденами Красного Знамени...»

и Игоря аж заметно затрясло.

– Что, плохо?! – заметил его состояние шедший мимо прохожий.

Игорь помотал головой, приходя в себя: – Не то, чтобы плохо, а просто хреново...

– Так сейчас везде хреново, – невозмутимо отозвался тот, направляясь по своим делам куда-то в совсем близкий центр города.

Глава 3

Да, оптимизм в наших людях неистребим, думал Игорь, нагоняя ушедшего вперед метров на тридцать парнишку, так сразу и не скажешь, подбодрил он меня или, но тут его размышления вновь перебил Василий, остановившись вместе с ним наверху трудно угадываемого из-за застройки холма: – Вот Астраханский мост, а это и есть Царица, – показывая вниз на открывающуюся перед ними небольшую реку, в которой несколько мальчишек с веселым гамом купались, ныряя и брызгаясь, метрах в полтора-два выше от них сидели рыбаки. Царица текла перпендикулярно Волге по дну широченного оврага, на склонах которого то тут, то там стояли многочисленные домишки и постройки в частых зеленых шапках деревьев. Среди многих вполне себе строений взгляд Игоря вскоре привлёк необычный вид одного из домов, что виднелся в паре-тройке сотен метров от моста – с какими-то небольшими стройными башенками, затейливой крышей, разнообразными окнами, выглядывающего самой верхушкой из-за линии берега.

Перейдя вдоль трамвайных путей через мост, Игорь даже невольно замедлил шаг, рассматривая столь необычное здание, что все больше открывалось его взгляду. Василий, проследив за ним, старался понять, что так заинтересовало его спутника. Словно заправский экскурсовод, он поднялся наверх и, пропустив грохочущий на уходящем вверх правом вираже переполненный людом трамвай №4, тыча пальцем за неимением указки, стал по очереди перечислять:

Это мельница, за ней парк и выше над ним Дворец физкультуры, потом маслозавод, трамвайное депо, жилые дома, школа. В школе, как можно было понять по медсестрам в белых халатах и немногочисленным раненым, сейчас был госпиталь. На берегу Волги ресторан «Маяк» и железная дорога, – показал он правее того места, откуда они пришли. – Там еще памятник летчику стоит.

Игорь вспомнил – там действительно стоял памятник летчику Хользунову, он еще за республиканцев в Испании успел повоевать, Героя получил, а уже после возвращения погиб. Нет, не в застенках НКВД, как посчитали бы многие из его нынешних современников начала двадцать первого века, а при испытании нового бомбардировщика. А поставили здесь потому, что он в Царицыне родился, в Бекетовке.

Только фото всплыло не мирное, парадное, а совсем другое: разбитые полуразрушенные дома, развороченная от разрывов улица и немцы в окопе, всматривающиеся в противоположный берег.

Еще он вспомнил, что вроде бы сегодня в Москве Сталин вызвал к себе Еременко и назначил его командующим Сталинградским фронтом вместо генерала Гордова, и завтра утром он должен прилететь. Игорь потряс головой, пытаясь опять привести себя в норму. Кое-как это удалось сделать.

– А с башнями что за здание? – перебил его Игорь.

– Дом одного фабриканта, Миллера, кажется, а что?

– Да так, необычно смотрится здесь, – отвечал он, вертя головой по сторонам. Ему словно казалось, что кто-то срезал верхнюю часть старинного замка, нес ее куда-то – может быть, в горы, чтобы там, на живописном склоне, поставить внове, но почему-то выронил именно здесь и уже не смог вытащить из некогда болотистого берега, бросил и оставил все как есть, и вот теперь крыша этого удивительного здания торчит чуть выше берегового обрыва, странным образом поместившись среди самой обычной – в два и три этажа – городской застройки. – Понимаешь, – искренне обратился он к Василию, – совсем не ожидал такого здесь увидеть. Ну а больница-то твоей тетки далеко?

– Да вон она виднеется, – махнул левой рукой Василий в сторону большого трехэтажного здания дальше по берегу в километре-полутора от них, чья крыша виднелась даже отсюда – там сейчас госпиталь.

Пока они шли, парнишка заделался гидом и весьма бойко рассказывал своему спутнику про всякие местные достопримечательности, рассказал про Кавказ – один из районов города, когда-то отчасти напомнивший бразильские фавелы, про поселки Бекетовка, Сарепта и пригород Минина; Игорь то и дело вертел головой, порою останавливаясь, когда особенно темнело в глазах из-за тягучих болей в голове. Тогда он поднимал голову выше, пытаясь сфокусироваться на какой-нибудь дальней точке, и тер виски и уши. Так, с остановками, они постепенно приближались к цели.

Услышанная от паренька фамилия Минин не давала ему покоя – он, конечно же, знал того нижегородского Минина, Козьму, памятник которому стоял на Красной площади столицы Советского Союза, что привел ополчение к Москве в смутное время и выбил в итоге совместно с князем Пожарским поляков из Кремля; не удержавшись, он стал расспрашивать Василия про этого. Тот знал не особо много, но кое-что поведал. Минина звали Сергеем Константиновичем, он был из старых большевиков, начиная еще при царе в партии социал-демократов. Начитан-

ный, образованный – он был по образованию юристом, – Минин активно занялся общественной жизнью в городе, так лихо граничащей с политикой, что вскоре стал известен не только в Царицыне, но и во всем Нижнем Поволжье. Его выступления и статьи привели к арестам и ссылкам, но февраль 1917 года освободил всех политических и уголовников из тюрем, и уже в августе он стал городским головой, а позднее возглавил Царицынский комитет РСДРП (б).

При очередном накате Игорь попытался сконцентрироваться, чтобы выудить еще какой-нибудь информации об этом человеке. В голове болезненно всплыло

В 1917 году Минин – председатель Царицынского комитета РСДРП (б), председатель Постоянного Президиума Царицынского Совета. В конце 1917 года он возглавил созданный на правах отдела Совета штаб обороны Царицына, когда и познакомился со Сталиным, что был направлен из Москвы для организации обороны от подступающих частей Деникина.

В июле 1918 года штаб обороны был преобразован в военный комиссариат, а в июле в Царицыне был создан Военный совет Северо-Кавказского военного округа и Минин становится членом Военного совета СКВО, а затем – членом Реввоенсовета 10-й Армии, членом РВС Южного фронта.

Деятельность Минина в первой половине 1919 года связана со Свердловском, там он заведует отделом управления НКВД. Летом 1919 года становится членом РВС 10-й Армии, в январе-мае 1919 года – председателем губернского Ревкома Екатерино-славщины, с мая 1919 года он – член РВС 1-й Конной Армии.

За боевую деятельность в 1-й Конной армии (с мая 1920 года по май 1921 года) Сергей Минин был награжден золотыми часами, а в 1929 году – орденом Красного Знамени. В мае 1921 года он был назначен помощником командующего вооруженными силами Украины и Крыма по политической части. После окончания Гражданской войны С. К. Минин – ректор Коммунистического и Государственного университетов, член Северо-Западного Бюро ЦК ВКП (б).

С Царицыном он простился навсегда в 1919 году. Написанная им пьеса «Город в кольце» посвящена обороне Царицына в 1918 году. Она с успехом шла на сцене местных театров.

Василий, что-то говоривший, замолчал, увидев, что ему снова поплохело; Игорь, заметив это, потряс головой, одними губами спросив:

– Что!?

– Говорю, что вроде даже хотели назвать Царицын его именем...

– Ааа, понял, – догадался Игорь, – а называли только пригород.

– Ну да, – кивнул Василий, сворачивая куда-то левее к больнице.

Пока они добирались до нее, Игоря поразило количество людей, встреченных им по пути; практически у каждого дома можно было видеть какие-то навесы, под которыми сидели или лежали люди, небольшие сарайчики и пристройки всякого рода сплошь и рядом были обитаемы, а количество женщин всех возрастов и детей просто зашкаливало.

Как он помнил, к началу войны Сталинград был, как стало принято говорить намного позднее – уже в его время, – одним из самых динамично развивающихся городов Советского Союза; на берегах Волги как-то вдруг всего за полтора десятилетия неожиданно вырос мощный экономический центр с населением почти в полмиллиона человек, развитой промышленностью и весьма неплохими условиями для жизни – сухой умеренный климат способствовал высоким урожаям сельскохозяйственных культур в непосредственной близости от городских кварталов, привольные степи кормили многочисленные стада и отары, а Волга-матушка исправно поставляла рыбу, товары и электроэнергию. За несколько следующих лет возведенные в городе заводы обросли типовыми рабочими поселками, состоявшими как из частных одноэтажных домов, так и из «засыпушек», «щитков» и бараков. В южном пригороде Сталинграда, в поселке Бекетовка, в 1930 году была построена крупная электростанция СталГРЭС.

Теперь же в городе находилась масса беженцев из различных областей Украины, Центральной России и даже из осажденного нынче Ленинграда, также были и крымчане из тех, кто успел спастись после устроенной прежде всего по вине командования обороняющихся на полуострове частей Красной Армии катастрофы... Насколько помнил Игорь, там наворотил дел очередной высокопоставленный политрук по фамилии Мехлис, ни черта не понимающий в военном деле, а только умеющий к месту и не к месту вставлять разные патриотически выдержанные слова, особо налегая на два – Сталин и партия.

По разным источникам, численность этих беженцев в городе оценивалась от двухсот до трехсот пятидесяти тысяч человек, причем многие были без документов, что затрудняло учет¹.

Их же всех надо срочно эвакуировать, подумал он, поворачивая за Василием направо от Волги и углубляясь внутрь городской застройки, где каменная постепенно уступала место деревянной. Что сильно удивляло Игоря, так это планировка города, по крайней мере, в этой его части: одни улицы шли параллельно реке, другие перпендикулярно; казалось, что весь этот

¹ По данным исследований Берегового В. А., эвакуироваться пытались 300 тысяч человек, но 40% из них погибли. Б. С. Аба-лихин писал, что всего с 23 августа по 14 октября 1942 г. из города было эвакуировано около 400 тысяч человек. На чем основывались его данные, непонятно: без еды, воды и лекарств под ежедневными обстрелами и налетами немцев.

район словно расчертили в частую клетку, из-за чего улиц было много, но шириной не более чем в один-два дома. Такого понятия как двор здесь просто не существовало, а крупные скверы или сады были только в центральной части Сталинграда. При этом то и дело разлапистые овраги да небольшие ерики местами нарушали установленный порядок городской застройки, вызывая тупики и скученность. Дома были в основном небольшими, всего в два-три окна, а с участком едва занимали площадь в современные Игорю пару соток. Практически на каждом таком дворике росло два-три каких-либо садовых деревца, в основном яблони, груши и сливы, иногда попадались черешня и даже персик. Самым же непривычным для глаза было отсутствие сплошных глухих заборов, мешающих проходу. Если заборы и были, то какие-то неосновательные.

Ему удалось разглядеть только один; когда они уже практически подходили к самой больнице, он обратил внимание на несколько строений, стоявших в отдалении впереди на другом берегу Царицы недалеко от еще одного моста, на что Василий отвечал, что вот то крепкое трехэтажное кирпичное здание, чей кирпичный бок совсем немного выглядывал – Голубинская тюрьма, а мост или, точнее, извоз этот называется Кулыгинский. Почти тут же открылась сама больница речников – массивное белое п-образное трехэтажное здание в несколько десятков окон по периметру, перед которым и вокруг стояли грузовики, подводы и даже пара мотоциклов, на солнышке, блаженно шурясь, грелись легкораненные, почти все поголовно курили, отчего сизый дым то и дело заволакивал двери главного входа, правее которого, метрах в трех, стояло несколько человек, обсуждая вчерашнюю, как понял Игорь, сводку Совинформбюро; говорили про бои у Клетской, северо-восточнее Котельниково, а также в районах Минеральные Воды, Черкесск, Майкоп и Краснодар – про Сталинград ничего не было. Как потом оказалось, это повторяли вечернюю сводку за вчерашний день.

В течение 13 августа наши войска вели бои в районах Клетская, северо-восточнее Котельниково, а также в районах Минеральные Воды, Черкесск, Майкоп и Краснодар. На других участках фронта существенных изменений не произошло.

Нашими кораблями в Финском заливе потоплена подводная лодка противника. В Баренцевом море потоплено три транспорта противника общим водоизмещением в 28.000 тонн.

За 12 августа частями нашей авиации на различных участках фронта уничтожено или повреждено до 60 немецких танков, более 200 автомашин с войсками и грузами, 45 повозок, 5 автоцистерн с горючим, взорвано 8 складов боеприпасов и 3 склада горючего.

Майкоп еще наш, думал он, смотря на лица тех, кто еще недавно сражался с жестоким умелым врагом не на жизнь, а на смерть; это значит, это значит, что сегодня, самое позднее, 12 или 13 августа, потому что уже завтра передадут, что

наши войска оставили город Майкоп. Оборудование майкопских нефтепромыслов и все наличные запасы нефти своевременно вывезены, а сами нефтепромыслы приведены в полную негодность. Немецкие фашисты, рассчитывавшие со взятием Майкопа поживиться за счёт советской нефти, просчитались: советской нефти они не получили и не получают.

Насколько помнил Игорь, немцы взяли Майкоп едва ли не полуротой переодетых в советскую форму солдат, где просто в наглую прогнав дезу, а где и со стрельбой, вынудив трусоватого коменданта дать приказ об отходе, практически без боя сдав город врагу... Поэтому серьезно повредить оборудование нефтепромыслов попросту не удалось и их поэтому банально подожгли.

Василий уверенно повел его вовнутрь, поминутно здороваясь направо и налево то с кем-то из раненых, то с бойкими веселыми медсестрами; Игорь старался не отставать, держась поближе, но не мог удержаться от нескольких взглядов на симпатичных девушек, встречающихся то и дело на пути, и потому все-таки упустил того из виду, дернулся куда-то не туда, прошел пару близких одинаковых белых дверей и все-таки заблудился.

– Да, немного же нам надо – мечтательно думал он, – вид ладных сапожек, из которых поднимаются вверх стройные ножки, после уходящие под юбку, где они соединяются, сужаясь и расширяясь одновременно, далее переходя в молодое тело, чтобы затем...

– Вам что? – вдруг остановил его строгий женский голос, – вы тут зачем? – обрывая его сладкие мечты.

– Да вот утром контузило на переправе – сказали, что это ближайшая больница, – чуть медленнее, чем обычно, специально заговорил он, смотря на женщину неопределенного возраста в белом халате, такой же шапочке и в круглых очках с металлической дужкой. Она едва была ему по плечо, худенькая, бледнее и старше тех молодых, что встретились ему в больничных коридорах, и, как понял Игорь, когда она моргнула и задержала веки дольше необходимого, очень уставшая.

– Вам надо на осмотр. Пойдемте, я покажу, – и она словно зомби, разом развернулась всем телом и уверенно повела его отсюда, а он, торопясь вновь не отстать, уже после, выйдя в оживленный коридор, выудил из своего сознания мельком замеченную надпись на одной из дверей, до которой он не успел дойти: морг. Она действительно привела его туда, куда надо – там, у кабинета, вертя головой, маялся Василий, выглядывая его в суетной толпе.

– Ты куда делся-то? – набросился он на него, но вдруг резко притих, заметив провожатую.

– Так это с тобой, Вася? – чуть дружелюбнее, чем она говорила с ним, Игорем, спросила врач у паренька, кивнувшего ей в ответ, – что ж ты не следишь?! Не теряй больше, – пожурив его, она еще раз окинув Игоря с ног до головы, блеснув зайчиком от стекол.

– Это кто? – тихонько спросил Игорь, когда женщина отошла от них на несколько метров.

– Заместитель главврача госпиталя, Евгения Александровна, – уважительно произнес Василий, – у-у-у какая! Ничего не пропустит, все подметит, – продолжал он. – Тут какая-то профессорша из Москвы недавно прилетела, чтоб с холерой и всякой заразой бороться, так вот она очень Евгению Александровну хвалила за то, какой у нее порядок здесь везде, и даже для персонала госпиталя устроила специальный рассказ про новое лекарство, про, про... – тут Василий замолчал, видимо, вспоминая нужное слово, еле заметно шевеля губами, – ...

биноклик, битоник, бионикл – никак не мог вспомнить он, пока Игорь не сообразил, о чем речь, и не выручил подсказкой: антибиотик.

– Точно, точно, – удивился паренек познаниям своего попутчика, – а ты откуда знаешь?

– Я-то?! Я, брат, все знаю, – отчего-то таким странным чужим инфернальным тоном произнес эти слова Игорь, что все, кто его невольно услышал, повернулись к нему: несколько раненых, какой-то совсем молодой безусый боец, говорящий что-то озорное, разудалое громким полусшепотом, две смешливые сестрички, прыснувшие в кулаки от его озорных речей, куда-то идущий дед лет шестидесяти, седой и похожий на сыча, с накрытым крышкой и чистым полотенцем ведром, из-под которого парило горячим и съестным, и еще врач, только что открывшая дверь кабинета – как оказалось позже, собственной персоной тетка Василия. На пару секунд все замерли, словно ожидая услышать от него что-нибудь сродни откровению и, случись кому-то из них спросить, когда же, наконец, кончится эта чертова война, он бы без тени сомнения тут же ответил: в мае сорок пятого. Но никто его не спросил, и Игорь решил приберечь это на более подходящий случай.

– Разминайте руку, товарищ Демин, – несколько сухомерно посоветовала она одному, – только аккуратно, не переусердствуйте. А вы, Николай, – обращаясь ко второму, – завтра в это же время приходите на осмотр – что-то мне ваше ранение не очень нравится...

Между тем Васильева тетка глянула на него, на племянника, приветливо улыбнулась тому и пригласила войти. За ним вошел и он сам.

– Ты что так рано? – обратилась она к Василию.

– Да вот товарища привел, контуженного, с нашего баркаса, – и быстро, умело видоизменяя канву прошедших на реке событий, выдал героическую историйку, но тетка его почти не слушала, а только, нахмурившись, вдруг спросила: разве бомбили?

Василий в раз сбился и замолчал, смотря на Игоря и словно ища поддержки.

– Нет, мина взорвалась, – ответил тихо Игорь, бледнея – на него снова накатило, и он быстро опустил на край белой кушетки.

Василий быстро обрисовал его историю миловидной молодой женщине в белых халате и шапочке на собранных светлых волосах, прося осмотреть товарища.

– Класть я вас не буду, да и некуда, – деловито говорила она Игорю, заканчивая осмотр и готовя шприц, – у вас ушибы мягких тканей правого предплечья, верхней части спины и головы в районе височной части, а вот повязку, пожалуй, наложу.

– А как же втирания, прогревание и массаж, – хотел пошутить он, но спросил совсем другое:

– А укол тогда зачем? – разглядывая реально симпатичную тетку Василия вблизи, чувствуя ее тепло и легкий приятный запах.

– А укол от холеры.

– От холеры?! – удивился он, смотря на ее пальцы, занимающиеся бинтом и, решив похулиганить, резко напряг руку, демонстрируя свою и не свою весьма развитую мускулатуру, – так ведь в Сталинграде не было никакой холеры...

Она удивленно посмотрела на сидящего перед ней молодого мужчину: что-то в его поведении и словах совершенно не вязалось с простоватым внешним видом.

– Что вы сказали: в Сталинграде не было холеры?! – уточнила она, набирая жидкость из ампулы.

– Ну да, – ничуть не смутился тот, – не было, и нет – держа руку все также.

(Вот ты чайник, ругал себя Игорь, следить за языком надо, товарищ, а то допрыгаешься!)

– Вот поэтому и не было! – парировала она, намереваясь сделать укол. – А вот этого не надо – это вы будете в другом месте показывать, – несколько сердито заметила доктор, пытаясь вернуть его руку в прежнее состояние. Игорь разумно поддался ее легкому напору, и три кубика раствора юркнули ему под кожу.

– Возможна небольшая кишечная реакция, но это нормально, – продолжала она, поворачиваясь спиной.

– Вас когда будут эвакуировать? – вдруг неожиданно и для себя, и для Юлии, как потом окажется, спросил Игорь, надевая рубашку и вставая.

– Эвакуировать?! – удивилась вновь она, поворачиваясь к нему. – С какой такой стати? У нас тыловой госпиталь, тяжелых практически нет, в основном легкораненые на излечении, ну еще жители города иногда обращаются... – тут она позвала Василия и, нисколько не стесняясь, стала того тиранить при незнакомце.

– Ты кого мне привел?! – нападая на племянника, – какого-то всезнайку: все спрашивает чего-то, выясняет, вопросы задает! Забирай его отсюда, и чтоб духу вашего здесь не было!

– Но тетя Юля...

– Иди давай, – не унималась она, – вот вам талон в столовую, поешьте, пока не выгнала совсем...

На шум, поднятой ею, уже стали обращать внимание, и Василий с Игорем предпочли ретироваться, тем более что в желудке давно урчало. Покормили их славно: тарелка борща, гречневая каша с мясом и салом, вкуснейший свежий хлеб, свежие овощи и компот. Игорь даже не ожидал, что так удачно выйдет; теперь он сидел на улице прямо на земле, в тенишке, чувствую теплую сытость и наползающую на веки усталость, опираясь на ствол сирени. Вокруг продолжалась размеренная госпитальная жизнь, когда люди точно знают, что худшее у них позади, и наслаждаются каждым часом, проведенным на не войне, но потом, как ему показалось, случилось что-то неизвестное ему.

– Ну и черт с ним, – сплюнул он, смотря из-под смыкающихся век, – что-то раненных не везут, – и обводя взглядом небольшую прибольничную площадь, а ведь идут бои, и жестокие бои – под Абганерово, у Клетской, на Дону... Как же тот хутор назывался? Горячий... Верный, нет, не так. Кажется, Вертячий. Да, точно – там и в начале августа, когда немцы ожесточенно били дивизии и танковые бригады шестьдесят второй армии, а те не менее жестоко и кроваво им отвечали, никак не желая окружаться, бросая тяжелую технику и все чаще оставляя раненных, и в конце ноября сорок второго, когда наши начнут клещи замыкать, будут такие мясорубки!

Глава 4

От мрачных мыслей хотелось отвлечься, и он, прикрыв глаза, стал прислушиваться к рассказу одного из раненых, судя по тельняшке, моряка, что сидел неподалеку, смолил сигарку и со знанием дела рассказывал что-то еще троим выздоравливающим. Правда, его рассказ тоже был не особо весел.

– Я с этими штуками еще по флоту знаком: как-никак четыре года служу. Так вот, фашист сейчас бомбит мало, зато минует реку исправно, особенно по ночам, когда его заметить трудно. Прилетит, значит, и сбросит свои мины. А они разные бывают: одни на таких маленьких парашютах, деликатные, а другие сразу на дно идут. И лежит она там себе полеживает, часа своего дожидается.

– Это как? – перебил его кто-то.

– А вот так. Засечет бакенщик или еще кто, где мина упала, докладывает. Мы, значит, приезжаем, давай ее искать. На мелководье несколько раз находили эти фрицевские подарки, когда их ветер со стремнины сносил. На таких и учились. Они вроде все одинаковые, а потом оказалось, что у каждой свой, так сказать, характер.

Моряк втянул последние крохи табака, выпустил четыре колечка, переменял позу и продолжал:

– Итак, допустим, что мина уже на дне реки. Но в этот момент она была еще не опасна, а все потому, что ей требовалось какое-то время, чтобы само взвестись внутри прийти, значит, в боевое положение. А зависело оно от того гада, который устанавливал время взвода. Нам попадались приборы с диапазоном от часа до нескольких суток. Самое главное – аккуратненько ее так вскрыть, чтобы не рванула, а то ведь они тоже не дураки за просто так их раскидывать: ловушки в них ставили, чтоб нашего брата на тот свет отправить. Поэтому сапер всегда одну мину щупает, а другим, что дальше стоят, рассказывает про ее устройство, или сам рисует, если можно. Мичман у нас один служил, Зайончковский, так он и погиб, когда мина-то прямо на его глазах взяла и завелась. Он даже отпрыгнуть успел, да куда там – в ней четыре сотни кило взрывчатки...

Он вновь замолчал, поминая товарища.

– А еще немцы такие мины придумали, что не сразу взрываются, а ждут свою жертву.

– Да ладно, Олег, не заливай – как она может выбирать, под кем ей рвануть?! – вмешался один из слушателей в монолог.

– А ты вот послушай дальше и узнаешь, – не подав виду, флегматично отвечал моряк. – Мина ведь сама плавать не может, чтобы к кораблю примагнититься? – не может. И потому у нее, значит, есть такой прибор, который реагирует на звук винтов или магнитное поле, и в зависимости от счетчика подрывает мину. Например, восемь судов пройдет – ничего, а на девятом взорвется.

В голове вновь потекло когда-то прочитанное:

При этом движение по Волжскому водному пути в районе Сталинграда также резко осложнилось. Немецкое командование стремилось перекрыть волжский фарватер, блокировать подходы к городу как с верхнего, так и с нижнего течения реки. В мае немецкие самолеты сбросили на акваторию Волги 212 магнитно-акустических мин, с 25 по 31 июля – 231 мину. К концу июля Волга была заминирована на протяжении 400 км – от Камышина до Никольского. С 25 июля немецкая авиация ожесточенно бомбила волжские порты и суда. Всё это вело к серьёзным потерям. Подорвался на mine и затонул пароход «Смоленск», буксируемая им баржа «Кондома» сгорела. Погибло двадцать восемь человек. 26 июля погибли пассажирский пароход «Александр Невский», три буксирных судна, четыре сухогрузные и две нефтеналивные баржи. Всего с 25 июля по 9 августа от бомбардировок и подрыва на минах затонуло

25 самоходных и 42 несамоходных судна. Однако, несмотря на сложные условия, активное судоходство на Нижней Волге было сохранено. Не прекращалось движение судов и непосредственно в районе Сталинграда: с 23 июля по 23 августа волжские суда перевезли 40 тыс. воинских грузов, не считая хозяйственных перевозок.

Василия не было – снова пошел к тетке зачем-то, Игорь стал менять позу, чтобы не отсидеть ногу, повел руками и задел доставшийся ему тот самый несколько странный вещмешок, похожий немного на огромную грушу, подтянул его к себе, с трудом развязал хитрый крепкий узел и заглянул внутрь, уловив заметный запах нагретой резины.

Бляха-муха, только и смог произнести он, увидев крупные, зеленоватого оттенка, практически переходящего в графитовый, должным образом прихваченные, пачки червонцев; запустив обе руки и придерживая край зубами, он быстро попытался пересчитать пачки, пытаясь понять, сколько же здесь денег. Тысяч четыреста, похоже, не меньше, сообразил Игорь, думая, что же теперь делать со всем этим богатством. Вот поэтому и не утонул – мешок-то прорезиненный был, специальный – для перевозки ценностей, а не хухры-мухры, и удержал на тот спасительный глоток воздуха... Кроме пачек денег и списка из нескольких десятков фамилий, в мешке оказался изрядный кусок сала, завернутый в несколько слоев вощеную бумагу, также завернутый в льняную тряпицу кусок крепчайшего сахара с хороший кулак и флакон одеколона «Красная Москва», почти полный. Здесь же, в отдельных внутренних карманах, нашлась плоская фляжка со спиртом, кисет с табаком, зажигалка и самопальный нож с широким лезвием в ножнах, а еще пара наручных часов. Кто был хозяин всего этого богатства – Игорь так никогда и не узнал: какой-нибудь районный счетовод с поручением доставить деньги в город, командированный облфинуправления или удачно подрезавший барахлишко неизвестный бладарь, недолго радовавшийся своей удаче. И Игорь тоже нисколько не обрадовался такой находке: стоит его остановить патрулю и показать содержимое вещмешка, как неприятности ему обеспечены. Хорошо, если по-быстрому решат – по законам военного времени – на краю какой-нибудь канавы или воронки, а то ведь могут и не спешить, а заняться им с чувством, с толком, с расстановкой. – Голубинка-то вон на той стороне Царицы. Если честно, его не устраивал ни один из вариантов. Деньги, конечно, нужны, думал он, поглядывая вокруг, штуки три-четыре, а вот остальное нужно сплавлять и как можно скорее. Он, не вынимая рук из мешка, размотал сахар, сорвал обертки с четырех пачек и завернул в тряпицу, сколько смог. Одну пачку почти целиком пришлось распахивать по карманам, благо их было четыре, банковскую же ленту ему удалось тут же незаметно сжечь. Едва он встал, затапывая пепел в слой пыли, как вернулся Василий.

– Знаешь, тетка опять про тебя спрашивала.

– Что, не понравился?

– Да не, – улыбнулся он, – это здесь не причем, им приказ начальнику госпиталя только что привезли.

– И какой?

– Подготовиться к эвакуации за два дня, а затем на тот берег, куда-то за Верхнюю Ахтубу и поселок имени Кирова. В голове тут же пронеслось:

В заволжских населенных пунктах во время Великой Отечественной войны действовали эвакуогоспитали, пункты первичной обработки раненых. По отдельным сведениям подобный пункт (ТППГ-4187) находился и в Верхней Ахтубе (сейчас – город Волжский), в здании старой школы. До Великой Отечественной войны в селе Верхняя Ахтуба проживало около 10 тысяч человек, а в 1950 году – лишь несколько сотен.

Во время Великой Отечественной войны село Верхняя Ахтуба сильно пострадало от бомбежек немецких самолетов. Практически все строения были разрушены. Именно поэтому поселок гидростроителей Волжский возводили, что называется, с нуля.

В Волжском, кроме «Картинной галереи», есть еще одно старое довоенное здание. Это каменная мельница, которой в этом году будет 103 года. Ее построил в 1911 году немец Дамер. Мельница сохранена до сих пор и располагается в 36-м квартале города Волжского.

– И что тут такого? – не унимался Игорь с расспросами, хотя все уже давно понял.

Парнишка помолчал немного, словно обдумывая, что сказать.

– Просто Юлия сказала мне, что ты ее спросил про эвакуацию, и вот – на тебе. Она не понимает, почему ты это знал.

(Может, попробовать объяснить хотя бы одному, мелькнуло в голове, в меру способностей и понимания, так сказать).

– Это не то, чтобы знание, Василий, это... – он помолчал, подбирая слово – это просто мне так подумалось, догоняешь?! А вообще-то мне нужно срочно на рынок или на базар... Тут есть где такой по близости?

Паренек молча, напряженно посмотрел на него, словно что-то решая.

– Ты про Шерлока Холмса читал? Про дедуктивный метод слышал?

– Ну.

– Баранки гну. Ладно, пойдем, покажешь, где рынок, а я по дороге расскажу. Лады?!

Василий кивнул головой, они пошли, а Игорь, пытаясь найти доверительный тон, начал говорить.

– Так куда идем?

– Да тут совсем близко – даже километра не будет – на Базарную площадь, надо только правее взять, – отвечал парнишка, все еще исподлобья смотря на него.

– Смотри вокруг – видишь, все раненые старые, уже на излечении выздоравливают, а новых почти нет, город, как сказал Михалыч, почти не бомбили, а ведь фашисты сюда целый воздушный флот перевели. Слышал, небось, про такого аса – Рихтгофена – он против нас еще в Испании воевал.

Василий снова кивнул головой, похоже, удивляясь еще больше.

– Да ты не удивляйся – о нем еще в «Красной звезде» и даже вроде в «Правде» писали. Так вот, сам подумай, если такая армада самолетов всего в часе-другом лета от города, то что она делает, если не бомбит нас – воюет или отдыхает, ты как думаешь? Воюет, верно, в гроб им дышло, и воюет километрах в полтора отсюда, а где ж тогда раненые?! Почему не везут? И у меня есть два ответа, нет, даже три: либо их нет, либо не успевают, либо не могут.

– Не могут – это, получается, – настороженно заговорил Василий, – что, окружение?

– Да. Именно. Не успевать могут тоже по этой причине.

– А еще по какой?

– Когда раненный боец очень быстро умирает без помощи или продолжает сражаться и погибает в бою. – Игорь помолчал, – или попадает в плен, что еще страшнее.

Его вновь кольнуло за правым виском отрывком из оперативной сводки Генштаба Красной Армии за номером 224:

62-я армия частью сил обороняла прежние позиции по восточному берегу р. Дон. Связи с частями 181 сд, 33 гв. сд, 229 и 147 сд, находившимися в окружении, установить в течение 11.8 не удалось.

Нашей авиаразведкой в 18.30 13.8 на рубеже Ерик – Осиновка (33—42 км сев.-зап. нп Калач-на-Дону) наблюдался бой наземных войск, предположительно частей 33 гв. сд, 181, 227 и 147 сд, находящихся в окружении на правом берегу р. Дон.

И тут же уже запись по этим же событиям с немецкой стороны из оперативной сводки генерального штаба сухопутных войск от 12 августа 1942 года:

Группа армий «Б»

Южнее Сталинграда были отражены атаки противника. Под р. Мышкова и южнее от нее противник, обороняясь на укрепленных позициях полевого типа, оказывает упорное

сопротивление. Бои в котле западнее Калача закончились. Остатки 62-й армии и 1-й танковой армии красных, сосредоточенные на очень узком участке местности, разгромлены или взяты в плен. Бои при этом носили порой упорный характер. Было захвачено 35 000 пленных, а также захвачено или уничтожено 270 танков и 560 орудий (противотанковых и зенитных).

Игорь тихонько потряс головой, но в ней появлялась все новая информация, вычитанная им прежде и теперь беспощадно открывающая глаза на реальные события тех дней.

Сталин неоднократно менял командующих, осложняя ситуацию на фронте. Так, он сменил командующего Сталинградским фронтом опытного Тимошенко на слабого генерала Гордова, командующего 64-й армией Чуйкова на Шумилова, командующего 62-й армией Колпакчи на Лопатина, не доверяя никому. Новый командарм Лопатин, приняв дела, в первом же своем донесении от 6 августа указывал на опасное скопление на флангах крупных сил немцев и просил разрешить отвести армию за Дон. Но Ставка держала значительные силы под Клетской, опасаясь удара там, и будучи убежденной в своей правоте, не среагировала. Высшее командование опять ничему не научилось. И следом за первым окружением и прорывом немцев в тыл, уже 7—8 августа, значительные силы 62-й армии (по оценке нашего штаба – 28 тыс.) были окружены на правом берегу Дона в его большой излучине, там, где в Дон впадает Чир в районе Голубинской, и в большинстве своем эти части к 10 августа были практически уничтожены. Немцы заявили тогда о потере Красной Армией пятидесяти тысяч только пленных, захвате 100 танков и 750 орудий.

Он немного еще посидел, приходя в себя от всего этого послезнания, что весьма болезненно обрушивалось на его голову, несколько раз яростно проморгался, разгоняя всполохи в глазах, потер уши.

– Ладно, поперли, – и приподнялся с земли, словно пробуя, не шатается ли она под ногами. Земля вроде держала.

– Ну, что встал – уши развесил, пошли уже, – поторопил он паренька, что все еще вслушивался в разговоры солдат.

Глава 5

Они стали подходить к Базарной площади, за которой дальше и правее в километре-двух возвышалась громада элеватора. Даже на поздних видах города, уже с современной застройкой, здание впечатляло, сейчас же оно просто подавляло своей мощью всю округу сродни какому-нибудь заокеанскому небоскребу. Где-то неподалеку от него находился железнодорожный вокзал Сталинград-2, откуда иногда прорывались гудки паровозов. Над площадью стоял гул от голосов многих сотен или даже тысяч торгующихся людей; к его, Игоря, удивлению, вокруг шла активная торговля, в основном, меновая. Тут же неподалеку стояло двухэтажное здание с вывеской «Ворошиловский филиал Центрального универмага г. Сталинграда» с обильно снующим туда-сюда народом.

Бартер в чистом виде, думал он про себя, идя вдоль неказистых палаток и тесно забитых продавцами торговых рядов в сопровождении Василия, прям Россия девяностых, когда треть страны пыталась обменять накопленные запасы вещей хоть на какие-то продукты. Перемать, сейчас-то, ясен пень, война, но тогда-то почему мы до края докатились?! – хмурился Игорь, разглядывая женщин всех возрастов, от молодок до пожилых старух, стайки детишек и немногочисленных в этом бурлящем человеческом котле мужчин – в основном стариков и инвалидов – почти все от двадцати до пятидесяти воевали или практически безвылазно трудились на сталинградских заводах, делая танки, орудия, боеприпасы, чтобы их родной город ни за что не достался врагу. Собственно, самих военных, охотно толкающихся среди массы находящихся на базаре женщин, было совсем немного.

– А вот молоко! Свежее молоко! Кому молока, подходите! – бойко зазывала дородная женщина лет сорока пяти, поглядывая на проходящих, – недорого возьму, до краев налью, на славу угощу – переливая молоко узкими высокими жестяными кружками не меньше чем в пол-литра; молоко пенилось белоснежной пенкой, жирно поднимавшейся шапкой-папахой.

Молока на базаре было много; бочек, конечно, Игорь не видал, но вот больших фляг и бидонов хватало. Он незаметно выудил червонцы, протиснулся к одной из торговых и, жмурясь от удовольствия, стал мелкими глотками пить это вкуснейшее молоко, чувствуя густой сливочный запах и как холодный жир пленкой прихватывает горло.

– А ты что стоишь? – толкнул он Василия, отрываясь от кружки, – бери пей давай, уплючено! Василий словно нехотя потянулся ко второй кружке, решая, стоит ли принимать дар, но в итоге рассудок победил, и он, запуская на подбородок справа тоненькую струйку, стал жадно пить.

– Откуда молоко, хозяйка – я б еще у тебя бутыль взял, – отирая губы, спросил он.

– Так гонют скот-то вторую неделю за реку от убийцев, вот и молоко, и маслице, хоть совсем мало. Кто сам бьет, кто на завод сдает, – охотно заговорила женщина, доставая откуда-то снизу большую запотевшую бутыль молока. – Холодненькое, с ледника...

– Так уж и с ледника, – удивился было он, пытаясь сообразить, сколько в такую бутыль влезает. *Литр и еще семьсот пятьдесят* – ухнуло изнутри.

– Конечно. Мой еще года три назад его выкопал да льда с реки натащил.

Игорь понятиливо кивнул: – Значит, и мясо должно быть, раз скот гонят?!

– Конечно. А как же без мяса! Какая идти не может или хвоя сделалась по пути, или даже фашист стрельнул – их на комбинат.

– Понятно. А купить-то можно?

– Почему же нельзя?! По карточкам в магазине можно отовариться, а тут как договоришься.

– И где ж тогда договариваться? – склонился он ближе, понижая голос.

– А вон там, за церковью.

Игорь удивленно повел головой, ибо никакой церкви здесь и в помине не было; тетка показала рукой в другую часть площади и добавила: – Ее лет шесть как снесли, а мы все по привычке говорим.

– Вот что, Василий, – повернулся он к поусатевшему от молока парнишке, – держи молоко и дуй на катер, скажи, что я через часа полтора приду. Вы ведь еще не уйдете?

– Нет, будем стоять, – бережно беря влажную тяжелую бутыл, отвечал ему Василий, – можно, я еще куплю?

– У тебя что, деньги есть?

– Конечно. Я же работаю – получаю четыреста тридцать, да еще колпитовских двадцать пять дают и продовольственные карточки на шестьсот граммов хлеба, – горделиво отвечал парнишка.

– Ну тогда дуй, а я пойду дальше обстановку разведую.

Обстановка оказалась вполне ничего: была баранина по сто десять рублей, но можно было прицениться и за девяносто; говядина шла от ста пятидесяти, но с изрядным торгом, если умеючи, свинины почему-то не было вообще, в двух местах даже мясо волов предлагали, ну и куры с утками. Везде отчаянно торговались. Игорь знал, что всего через каких-то четыре-пять дней цены должны будут резко вырасти, как только станет известно о нависшей над городом опасности и основное поголовье скота будет переправлено за Волгу, и поэтому решил набрать мяса побольше. Только вот незадача, как его тащить.

Он покрутил головой, определился и пошел наудачу, в те ряды, где торговали вещами, заметил павильон, на одной из сторон которого висела вывеска **Ремонт одежды, обуви, сумок и пр.** Игорь решительно направился туда, толкнул дверь и вошел в небольшую комнатку, где невероятным образом поместились два стола со швейными машинками, ножной и ручной, всяким инструментом, куски и обрезки тканей, кожи, резины, старые ремни, конская упряжь, колодки для обуви и сама обувь во всем ее тогдашнем виде. Кроме того, здесь поместился массивный табурет и собственно хозяин всего этого.

– Что угодно такому молодому человеку? – спросил он с характерными интонациями, поворачиваясь вполборота к Игорю, демонстрируя, не смотря на уже почтенный возраст, живые темные глаза и не менее характерный нос с густой пегой бородой в придачу.

– Мне угодно пошить у вас рюкзак, – в тон ему отвечал Игорь, то смотря на хозяина, то продолжая осматривать помещение, словно ища что-то, – только моей конструкции.

Глаза собеседника на секунду поменяли выражение, но тон не изменился: – Говорите мне слышно. И какой же будет ваша моя конструкция?

И Игорь стал рассказывать про рюкзак Келти, который появится только лет через десять на противоположной стороне Земли.

– А из чего вы хотите делать каркас? – заинтересованно спросил портной, сапожник и еще бог знает кто в одном лице, судя по увиденному Игорем, откладывая какую-то работу в сторону.

– Из бамбуковых удочек.

– Вот так-так, – удивился тот, – а разве они у вас таки есть?!

– Разве я их сейчас куплю, – отвечал Игорь, чуть улыбаясь, – причем у вас, – показывая на четыре замеченных им необходимых для изготовления рюкзака атрибутов.

– Знаете, молодой человек, пожалуй, я бы мог согласиться продать их именно вам за сто рублей. Каждую...

– Давайте не будем мелочиться, – возразил Игорь, доставая пачку денег, – а поговорим как деловые люди...

Начался столь обязательный и уместный для такого случая торг, по итогам которого договаривающиеся стороны пришли к взаимовыгодному соглашению, где исполнитель, бросив все, обязался пошить до семи вечера завтрашнего дня названное изделие, а заказчик обязался опла-

тить работу и расходные материалы за тысячу триста рублей; при этом каждая из сторон считала себя в выигрыше.

Пока Ицхак с говорящей фамилией Шухманович, оказавшийся, как выяснилось из разговора, удачливым беженцем откуда-то из-под Молодечно, а удачливым потому, что в страшном хаосе отступлений и бегства, под жестокими бомбежками и паникой от роящихся слухов об очередном окружении смог сохранить всю свою большую семью в одиннадцать душ, что через Гомель, Конотоп, многострадальный Харьков и Луганск добралась-таки до Сталинграда и которую надо было хотя бы раз в день кормить, теперь спешно выполнял так удачно свалившийся ему на голову заказ, торопясь успеть к назначенному сроку, чтобы *не попасть на неустойку* – именно так выразился клиент, тип которого Ицхак прежде в своей достаточно долгой жизни никогда не встречал, Игорь вновь отправился в ряды, намереваясь подхарчиться и просто хоть как-то убить время.

Уже после, а именно завтра, когда Ицхак поймет, что такому, как Игорь, можно рассказывать почти все, он кратко поведает ему историю о части своей тяжелой еврейской жизни, о том, как отец разделил своих четырех сыновей сродни тому самому Ротшильду, наказав жить им в разных странах, что ему досталась сперва веска под Могилевом, а трем другим самая что ни на есть Европа – Лейпциг, Гдыня и Кладно; без злобы, а только с какой-то тяжелой горечью будет рассказывать, как непросто было жить после отгремевших войн, как из последних сил тянул дочек и таки вытянул на учителя и врачей, как вдруг в районной больнице, где заведовала средняя, рыжекудрая Фира, однажды в начале сентября раздался телефонный звонок, и быстрый взволнованный голос дяди Самуила с прилипшими уже пшеканьями успеет сообщить, что они купили билеты на пароход в Копенгаген и все, что говорят ужасного про нацистов – самая что ни на есть правда... Как его средний брат, служивший в польской телефонной компании, смог пробиться через кордоны, было непонятно – видимо, тогда сказала общая неразбериха тех дней, когда польская государственность исчезала в очередной раз, а ее восточные кресы отходили к ненавистному и такому же восточному, теперь уже красному, соседу...

Но это будет после, а пока – пока Ицхак кроит добротную австрийскую ткань от палатки, изумляясь то вслух, то про себя простоте и технологичности замысла, хотя, думается, много раньше еще русские офени ходили с чем-то сильно смахивающим на только что поступивший ему заказ.

Игорь не спеша двигался вдоль очередного ряда, пробираясь сквозь разношерстную толпу, посматривая на багрово-красные помидоры, которые у *него* назывались астраханскими или даже бакинскими, темно-зеленые пупырчатые огурцы, пучки зелени и редиса, белую, должно быть, рассыпчатую и очень вкусную, в темно-желтых песчинках, картошку, бледно-зеленую капусту, блестящую на солнце, потом переводил взгляд на таких же, как он, смотрящих, и часто видел, как сдерживают они себя. Он перехватил тройку пирожков с капустой и, дожевывая последний из них, вдруг буквально замер – на прилавке, чуть прикрытые, чтоб не бросаться в глаза, какой-то дерюгой и оттого заметные еще больше, стояли банки со столь знакомой ему надписью Nestle. Он протиснулся вплотную к двум одинаковым мужикам в кепок и в темных пиджаках, с сигарками в разных уголках ртов, что стояли с той стороны, постоянно ширкая глазами по сторонам, вспомнил, как его учили смотреть в таких случаях и как говорить:

– Почем хабар толкаете?! Я бы за чуток банок спросил... – меняя голос, чуть с уловимой хрипотцой спросил он...

Те настороженно переглянулись, не ожидая, видимо, услышать подобных интонаций.

– Да я не за себя толкую – это людям нужно, так что не парьтесь. Или вы нанятые? – говорил он, резво вдруг тянясь рукой к одной из банок, и цапнул ее, опередив одного из продавцов, что попытался задержать товар.

Второй начал что-то говорить, но Игорь его перебил.

– Но-но, не кипешуй, я только гляну, ведь за просмотр бабок не берут, да?! – ввернул он, используя технологии воздействия, что появятся только через пятьдесят-шестьдесят лет; так и вышло: правый глухо ответил ДА, а левый сказал НЕТ.

Он опять со смыслом усмехнулся, еще раз неторопливо поглядев на них и на товар:

– Вы бы определились сперва, что ли, что говорить, а уж потом в калашный ряд ломились, – резанул он, поочередно всматриваясь в каждого, словно прощупывая, и вдруг на своем весьма неплохом английском стал читать вслух: Golden state. Brand. Dairy products. Powdered whole milk. Net weight 5 pounds, – и весь остальной текст, что поместился на увесистой банке, – значит, американской помощью делитесь, – снова на русский перешел он, – может, и мне что безвозмездно обломится?! Или нынче расхитителей вновь обращенной социалистической собственности уже в пример остальным гражданам ставят, а не к стенке? А вы знаете, что товарищ Сталин американским капиталистам за эти банки самым что ни на есть золотом платит?

Несколько человек при фамилии вождя повернули в их сторону головы, а мужики ошеломленно уставились на него, помрачнели и насупились еще больше, а тот, что слева, явно дрейфил – только присутствие второго сдерживало его от бегства.

– А это что? – продолжал наезжать он на так неудачно вкрячившихся продавцов, – Rose brand, sweetened condensed milk, net weight fifteen ounces... сгущенку, значитца, толкаете, – разглядев надпись на плохо прикрытой банке.

Надо додавливать, подумал Игорь, пока железо не нагрелось. Он целиком сосредоточился на правом, прятавшим руку под мешковиной и недобро смотревшим на него. Игорь рискнул:

– Расклад такой: либо патруль берет вас за жабры и затем тащит на кулан и далее до Голубинки – тут ведь недалеко, верно? Либо двести целковых, и я тебя больше здесь не вижу с таким товаром – ты и себя палишь, и дружков своих с каравана, – и угадал – тот часто заморгал, утер выступивший пот со лба и, сипя, почти согласился: – Четыреста...

– Триста, и ни центом больше, – пошутил он в ответ, затем молча отсчитал деньги и положил их под мешковину, а сиплый споро проверил, смахнул в карман, развернулся и быстро скрылся в рыночной толпе, оставляя настоящее богатство – одиннадцать банок с молотым кофе, шоколадом, чаем, сгущенным молоком и даже, как потом оказалось, индейкой! Игорь же спокойно упаковал весь продуктовый набор обратно и продышался, как учили на тренировках, чтобы успокоиться – адреналин просто бушевал внутри.

Спокойно, спокойно, увещевал внутренний голос, дыши, дыши, не расслабляйся, а то словишь чего-нибудь на радостях, и два мешка на руках – это перебор, один шкерить надо, с концами причем.

– Это точно, – сказал он сам себе вслух, запихивая добычу в свой и заодно цепляя еще одну пачку денег, которые разлетались с невероятной быстротой, ловко убирая ее в карман, – а теперь ходу.

Он пошел между двух рядов, выбираясь из толпы и чувствуя, как на него снова накатывает знакомая слабость. Какая-то еще навязчивая мысль про консервы настойчиво саднила в мозгу, чтобы он ее вспомнил, и он, пошатываясь, все же миновал казавшейся бесконечным многоголосый рынок, вышел к жилым домам, где людской поток был не так широк.

Надо срочно где-нибудь присесть, стучало в голове, или даже прилечь, потому что лежащих он видел много, и на них особо никто не обращал внимания. Какое-то время он еще шел, словно пьяный, а затем все-таки привалился к какой-то оградке с большим кустом, когда земля окончательно уплыла из-под ног...

В Сталинграде по решению городского комитета обороны создан неприкосновенный фонд консервов в количестве двух миллионов банок. Консервы решено развести по основным предприятиям города на хранение. Сталинградский консервный завод располагался между элеватором и берегом Волги, выпуская в основном мясные консервы и различные каши.

Глава 6

Его растормошила маленькая светло-русая девочка лет четырех-пяти, с васильковыми глазами и носиком кнопочкой:

– Дядя, дядя, вставай! Вставай, тут нельзя, тут мальчишки писали!

Игорь зашевелился, потер виски, приходя в себя; принялся – да, действительно, пахло не шибко, но все же мочой. Вот ведь блин, угораздило же в самую лужу приземлиться, стал подниматься он, осматриваясь вокруг; руки были сухими, штаны тоже, а вот плечо и мешок чуток подмокли.

– Товарищ, что с вами? – вдруг услышал он тревожный женский голос, повернулся и увидел женщину в фартуке и косынке, стоявшую посреди стайки малышей.

– Да вот..., – но девочка опередила, – Ольга Андреевна, дядя в лужу сел! В написанную.

И Игорь, и женщина – молодая, видная из себя, удивительно хорошо сложенная, – почти одновременно улыбнулись, не удержались и дети, весело улыбаясь.

– Вот ведь сорванцы! Сколько раз им говорила, что нельзя так делать, – заговорила вновь Ольга Андреевна, направляясь к нему, – да вы проходите, замоете вещи-то.

Он толкнул калитку и прошел внутрь вслед за ней.

– У нас здесь детский сад для маленьких, больше сорока деток, – словно хвалилась она перед ним, провожая к умывальнику, – вот здесь, не буду мешать.

Игорь стянул рубаху и с удовольствием, фыркая от холодной воды, несмотря на стоявшую над городом жару, стал умываться, брызгая на штаны и ботинки, потом быстро замыл мешок и рубашку и отжал воду. Девушка, что сперва вышла за дверь, заглянула, словно проверяя, как у него дела, и теперь стояла, откровенно рассматривая.

– Краны-то текут... – кивнул он в сторону двух моек, – могу починить, если что.

– Инструментов нет, а техник к нам с консервного завода приходит, дай бог, раз в неделю.

– На бога надейся, а сам не плошай, – зачем-то выдал он в ответ и, сглаживая неловкость, вдруг выпалил, – а хочешь, завтра приду и почию!?

– Хорошо, приходи и чини, – просто отвечала она ему безо всякого смущения, – я буду ждать.

– Может, еще что надо поделать, – осматриваясь вокруг, спросил он, одеваясь, – прибить там или подкрутить? – ему, если честно, совсем не хотелось уходить отсюда.

Девушка задумалась, чуть наклонив голову и забавно надув губки, откровенно рассматривая его.

– Надо щели подправить, а то мальчишки их со своими играми совсем расковыряли. Я покажу.

Они вышли во двор, где Игорь в разных углах заметил три отрытых щели. Вспомнились строки одного прочитанного им доклада о готовности Сталинграда:

Щели для населения не открыты. Обеспеченность щелями около 40%. Противопожарные мероприятия осуществляются слабо и без строгого контроля. Очистка дворов, чердаков от всякого рода легко воспламеняющегося хлама почти не проведена, разрядка деревянных построек, заборов не производится, готовность местных отрядов ПВО не проверена. В целях исправления ситуации предлагаем немедленно в кратчайший срок закончить проведение мер МПВО, применяя к их нарушителям меры воздействия по законам военного времени... а также эвакуировать детей и людей, не связанных с производством.

Он придирчиво осмотрел каждую из них, спросил, есть ли лом и лопаты, и, получив ответ, пошел к небольшому пристроенному к зданию детсада сарайчику, где под замком хранился рабочий инвентарь, и через три минуты уже принялся за работу, начав с самой мелкой. Земля была твердая и сухая, поддавалась тяжело, и он уже через минут пятнадцать взмок.

Так дело не пойдет, подумал он, вылезая и заходя в помещение детсада; там как раз начался обед, ребята дружно работали ложками, уминая наваристые щи с хлебом. Вторая воспитательница, с заметными веснушками и рыже-каштановыми волосами, пухленькая, едва ему по плечо, заметив, подошла:

– Что-нибудь случилось?

– Татьяна, мне бы пару платков, если можно.

Она ушла и вскоре вернулась с двумя платками, словно как по заказу – черным и белым в мелкую, еле заметную малиновую крапинку.

– Вот. А для чего они вам?

– Да так, надо, – буркнул он, взял платки и пошел копать дальше.

Каково было удивление малышей и четырех женщин, составлявших весь персонал сада, наблюдавших то и дело за тем, как из щели, где шла работа и летели, словно из-под экскаватора, комья земли, когда, удовлетворенный и изрядно уставший, он стал вылезать по пояс голый, с черной банданой на голове и повязкой на лице, закрывавшей от пыли, уже изрядно испачканной.

Не обращая внимания на удивленные взгляды, Игорь окатил себя ведром воды, вытащил все из того же сарая несколько металлических труб метра в полтора длиной, старую, но еще крепкую тяжелую дверь (дубовая она, что ли!) и тяжелую ухватистую кувалду, замеченную им ранее. Видать, запасливый дядька тут прежде работал, промелькнула мысль; чтоб лежало хорошо, тащил все, что плохо лежит. Весь следующий час он вбивал трубы, затем уложил доски, укрепляя стены, и приладил сверху дверь.

– Так, народ, эта готова – можете проверить.

Малышня, прежде всего мальчишки, полезла вниз, подошли и женщины.

– Вот это да! – восторженно кричал один из сорванцов, – тут даже прохладно, пропуская трудную «р», – и даже лавочки есть.

– Просто шик-блеск, лучше, чем даже дядя Степа около нашего дома вырыл, – с видом знатока говорила Машенька – та самая девчурка, что приводила его в чувство.

– Если что, берите с собой одеяла – и теплее, и от мелких осколков и пыли защита, – сказал он, пряча невольную улыбку и приводя себя в порядок, – плюс воду и ведро для нужды. Завтра принесу две слепи, чтобы могли изнутри дверь открывать, если вдруг засыплет.

Лица женщин, сперва улыбочивые, сразу же посерьезнели, подобрались – они смотрели на непонятно откуда взявшегося парня, так необычно использовавшего платки, причем было ясно, что он так делает во время работы очень часто, не видя в этом ничего предосудительного, на их глазах капитально, со знанием дела перестроившего укрытие и так спокойно говорящего о грозящей опасности.

Кухарка Зина почему-то всхлипнула, ушла вовнутрь, а затем вынесла ему супу с хлебом, который он выхлебал в один присест.

– Вот ту, – он показал ложкой в сторону нескольких деревьев, что росли неподалеку, – вам правильно вырыли, но нужно будет дверь делать и навес, чтобы не придавило никого. Или – Игорь встал и подошел ко второй щели – лучше вот эти два спилить по пояс и уложить под углом, вот так.

– Как спилить?! – вскинулась на него четвертая из женщин, здешняя медсестра с таким же крупным именем, как и она сама – Ульяна.

– Все равно пропадут, – мимоходом сказал он и осекся, потом посмотрел на внимательно смотревших на него женщин, сгрудившихся возле них детишек, вспомнил еще одно страшное в своей обыденности фото,

и неожиданно улыбнулся и громким, совсем другим голосом произнес – хватит о грустном, давайте я лучше вам сказку расскажу.

Сказок Игорь знал море – все-таки два своих короеда, да два у сестры, да три у брата жены, – но наизусть, конечно же, меньше, но сейчас его память приобрела воистину безграничные размеры.

Главное – не переборщить, твердил он мысленно себе, усаживаясь прямо на землю под одним из деревьев и дожидаясь, когда подтянутся остальные.

– Что, готовы?! Тогда погнали...

– Куда погнали, кто? – недоуменно спросила Ольга, присаживаясь и привычно оправляя платье на заголившихся коленях.

– Наши городских.. Все, слушайте!

У меня зазвонил телефон.

– Кто говорит?! – Слон.

– Откуда? – От верблюда...

Он читал на разные голоса, меняя интонацию, и видел, как менялись глаза и лица ребятшек, заморожено слушавших то, что мужчины тогда почти не читали, тем более – так. Ольга с Татьяной, похоже, то же на какое-то время вернулись в детство, сидя на скамейке в трех метрах от него.

Игорь прочитал «Тараканище», «Федорино горе», «Муху-Цокотуху» и начал веселую, особенно любимую им «Путаницу», когда заприметил за оградкой сиплого – тот крутил башкой, ища его, не подозревая, что он совсем рядом.

А лисички взяли спички,

К морю синему пошли,

Море синее зажгли;

Море синее горит,
Выбежал из моря кит.

Ребятня просто млела, когда он закончил, она стала требовать продолжения банкета, и Игорь, для приличия поломавшись, решил рассказать им одну из веселых сказок про братца Кролика и братца Лиса – здесь таких сказок еще не знали.

– Ну вот, на сегодня все, но завтра я обязательно приду, – он подмигнул сразу всем, – так что ведите себя хорошо, а то останетесь без сказок.

Уходя, он зашел забрать сидор, пошуровал в нем, словно проверяя, все ли на месте, и неожиданно для девушки вручил Ольге банку с американским шоколадом: – На всех. И это: можно, я часть вещей тут оставлю до завтра?

Она благодарно кивнула и подала руку, которую он с превеликим удовольствием легонько пожал.

До Волги он добрался без приключений, спросил про баркас и узнал, что на ночь он швартуется на погрузочной Волго-Донской пристани, что у лесозавода. Пройти туда можно было вдоль волжского берега по железке, что он и сделал, шагая по-московски споро вниз по берегу и пытаясь сообразить, где он уже встречал нечто похожее: а, ну, конечно же, дорога от Туапсе до Адлера, что также идет вдоль берега! Он по дамбе снова перешел через Царицу, ниже разглядел несколько суденышек, причаливших к берегу и похожих в темноте друг на друга, заметил несколько перевернутых лодок, залез под одну и вскоре заснул. Его первый день здесь закончился, этим днем было 13 августа 1942 года, четверг.

Вечернее сообщение Совинформбюро от 13 августа

В течение 13 августа наши войска вели бои в районах Клетская, северо-восточнее Котельниково, а также в районах Минеральные Воды, Черкесск, Майкоп и Краснодар. На других участках фронта существенных изменений не произошло.

Нашими кораблями в Финском заливе потоплена подводная лодка противника. В Баренцевом море потоплено три транспорта противника общим водоизмещением в 28.000 тонн.

За 12 августа частями нашей авиации на различных участках фронта уничтожено или повреждено до 60 немецких танков, более 200 автомашин с войсками и грузами, 45 повозок, 5 автоцистерн с горючим, взорвано 8 складов боеприпасов и 3 склада горючего.

Глава 7

14 августа 1942 г., пятница

Утром он проснулся от шума двигателей и переключки экипажей стоявших судов, вылез на свет, протирая глаза, умылся и четвертым разглядел нужный ему баркас. Он несколько секунд оторопело смотрел по сторонам, вспоминая все то, что с ним случилось за последние сутки, протер глаза, вслушиваясь в пересуды стоящих около воды мужиков; те говорили о каком-то, видимо, ночью затонувшем судне; Игорь таким же непонятным ему образом стал вспоминать, на него снова накатило жуткое знание случившегося здесь с начала августа:

1 августа около тринадцати часов подрывался на mine и затонул в районе Бабаевского Яра колесный товаро-пассажирский пароход «Петр Чайковский» под командованием капитана Ф. Г. Сафонова. Погибло более тысячи военнослужащих, в том числе несколько десятков молодых лётчиков и двадцать членов летных экипаже, направлявших к местам службы на фронт.

Немецкие бомбардировщики в районе Горный Балыклей уничтожили самоходные баржи №747, №2046, №3049. В районе Балыклей взорвалась самоходная баржа №102 с боеприпасами, разбиты и затонули несамоходные баржи ВХ №1011 со спецгрузом и ВХ №2013 с обувью. Несамоходная деревянная баржа ВП №105 затонула ниже села Антиповка. Дебаркадер «Антиповка» №110 был так же взорван авиабомбами.

Трагическим этот день стал и для моряков Волжской военной флотилии: в районе деревни Ступино, в 150 километрах южнее Сталинграда, подрывался на донной mine и затонул со всем экипажем бронекатер «БКА-22» (командир – мичман Я. Г. Шестаков), на борту которого погиб командующий Волжской военной флотилии контр-адмирал Хорошихин.

В ночь на 2 августа один бомбардировщик Хе-111 потопил два крупных речных корабля водоизмещением по 800 тонн каждый. Днем несамоходная деревянная баржа НП №699 (1.000 тонн) с грузом машин и вещевого имущества была разбита в результате атаки вражеской авиации и затонула в районе села Водяное.

Ниже Балыклея затонула несамоходная баржа НУ №739 (1.964 тонн) с грузом соли, а несамоходная баржа НУ №1339 (1.259 тонн) с грузом пшеницы была там же затоплена по палубу.

В голове стали выплывать новые факты, но тут Игоря окликнул появившийся Василий и приветственно махнул рукой. Из какого-то сараюшки кряхтя вышел и Михалыч, тут же толклись еще несколько речников со стоянки – кто брился, кто готовил нехитрый завтрак на костре.

– А мы тебя вроде вчера ждали...

– Да я в детском саду шефскую помощь оказывал.

– Это как?

– Да по-разному: щель вот рыл.

– Вглубь или вширь? – жизнерадостно влез в разговор один из мужиков, что был помоложе.

– Да по-всякому пришлось, – не чувствуя подвоха, отвечал Игорь, присаживаясь у костра, над которым в большом, литров на восемь-десять, котле пузырилось какое-то варево, и развязывая сидор с продуктами, – полдня возился.

– А я вот больше щели вглубь люблю, – не унимался остряк и закончил под дружный гогот, потряхивая мотней а-ля Джексон – особенно ночью.

С разных сторон раздалось еще несколько соленых шуточек и подначек, вызвав новые приступы хохота, а Василий, слышавший все это, смутился и покраснел, как рак.

- А ну, цыц, кобели! – рассердился Михалыч, – постеснялись бы парнишки.
- Игорь нашел банку с индейкой, вытащил из мешка и споро открыл ножом.
- Что, Михалыч, возьмешь на борт к себе?!
- Подмазываешься? – смотря на банку, усмехнулся тот.
- Да нет, просто жрать охота.
- Ну, тогда двигайся ближе да не части.

Котел сняли с огня, поставили в яму, уселись вдесятером в кружок и весьма ловко раскидали завтрак за каких-нибудь десять минут, заодно Игоря познакомили с остальными речниками.

– Это ж откуда такой деликатес? – нахваливал заморскую консерву пожилой дядька с соседнего буксира, уминая бутерброд.

– Это, Петр Васильевич, тебе привет от союзников – второй фронт называется; кормят они нас, чтобы мы подольше с Гитлером воевали, а сами не лезут, все где-то в Африке вошкуются... – весело отвечал Николай, балагур, гуляка и моторист в одном лице. Открытый бесшабашный парень двадцати шести лет, которого не брали на фронт из-за брони, со значком ГТО на груди явно был в курсе обстановки и сейчас увлеченно рассказывал о событиях в мире.

– А еще баюют люди, – продолжал озорно тот, – что приехали к нам сюды на помощь паккарды легковые для ответственных товарищей, так их уже, того, значит, употребили эти самые товарищи наши, – тут он указал пальцем вверх, – все четыре штуки на обком пошли.

– Да не мели ты, Емеля! – набросился на того кто-то из сидевших кружком речников, – значит, им нужнее будет. У нас вот Волга-матушка есть, а у них жизнь колесная; дорог вона сколько: город-то, почитай, вдоль берега верст на сорок уже разбежался.

Игорь откинулся на спину и прикрыл глаза, слушая залиvistый треп Николая: Тунис, Египет, Марокко – здесь Игорь бывал уже не раз, – в памяти стали всплывать моменты отдыха, когда заработанные в удобном современном офисе нефтерубли так здорово было менять на чужие нефтедоллары, чтобы потом тратить их, тратить и еще много раз тратить.

Потом, конечно, понимаешь, что вот та коробка ирландского виски в duty free была лишней, как и трехдневные сафари на верблюдах и джипах по настоящей пустыне, впрочем, как и многое другое, что набиралось во время таких отпусков; по возвращению домой вдруг выяснилось, что денег опять нет, что их мало, что их не хватает и надо снова копить...

Потом сквозь сытую полудрему он услышал, что вчера где-то на Ахтубе потопили баржу с автоматами, что везли в город и что никто из экипажа не выжил (*14 августа в Ахтубе, недалеко от Сталинграда, была потоплена баржа с десятью тысячами автоматов для фронта*).

А менее получаса назад, как только что сообщили с соседнего судна, где-то в центре города упал наш истребитель, летчик выбросился с парашютом, но разбился о крышу дома специалистов. В голове Игоря всплыло, что погибший стал очередной жертвой ловушки, применяемой немцами, когда одиноко летящий с юга на север вдоль Сталинграда Ю-88 служил хорошо защищенной приманкой – бросавшихся за ним в погоню сбивала кружившая выше на удалении пяти-шести километров тройка мессеров, быстро настигая цель за счет разгона при снижении. Как он будет знать, сегодня на этот нехитрый прием безвозвратно попадет еще семь самолетов из тыловых авиаполков, недавно переброшенных на защиту города, трое пилотов погибнут.

«Самолеты противника пиратскими действиями исподтишка со стороны солнца охотятся за нашими истребителями» – так описывал немецкую тактику журнал боевых действий 629-го ИАП.

– Зенитки нужны, зенитки – бить этих гадов! – ругался кто-то, заходясь такими злыми словами, что замирало сердце. – Вон ведь что в Сарепте-то натворили, суки! Попадись мне хоть один живым...

Игорь слушал яростный и сбивчивый рассказ, и в голове его опять стала подниматься мутная тяжесть:

Утром 9 августа группа из двенадцати He-111 совершила налет на поселок Красноармейск, сбросив бомбы на пристани и железнодорожную станцию Сарепта. Цель для атаки была выбрана на редкость удачно, т.к. на путях в тот момент находились около 500 вагонов со снарядами, два эшелона с танками и 280 вагонов с орудиями! Несколько составов мгновенно взлетели на воздух, одновременно с этим в затоне взорвались баржи с боеприпасами. Сила взрыва была такой, что грохот докатился до тракторного завода, находившегося в тридцати километрах от эпицентра. Затем люди со сталинградских улиц увидели, как над Красноармейском взметнулся огромный столб дыма, огня и пыли. Все поняли, что в поселке произошло нечто ужасное...

И действительно, пожары, вызванные бомбежками и взрывами, быстро достигли огромных масштабов. Пламя перекинулось на жилые дома и хозяйственные постройки, во все стороны разлетались и взрывались артиллерийские снаряды и ракеты для «Катюш». Перепуганные и контуженные жители метались из стороны в сторону, пытаясь спастись от огня и осколков. Первый секретарь Сталинградского обкома партии Чуянов в это время находился в управлении НКВД у Воронина. Услышав взрывы, он сразу позвонил в Кировский райком партии. Узнав страшные подробности катастрофы, Чуянов немедленно отдал приказ направить в Красноармейск городские пожарные автонасосы и суда. Через полчаса, рассекая фортитивнем нефтяные пятна, к месту, напоминавшему ад, уже подходили пароходы «Самара» и «Гаситель».

Игорь перестал есть, слушая подробности бомбежки:

– Когда мы пришли в затон, кругом все пылало. От жара у нас на судне полопались все стекла. Часы и барометр сорвало. Мы подошли к берегу, протянули три линии рукавов, начали тушить баржи и вагоны с боеприпасами. Взрывающиеся снаряды летели со станции прямо через нас. Да что мы. Те, кто уцелел на станции, железнодорожники, шофера спасали сохранившиеся грузы и смогли вывезти из огня несколько составов. Хорошо, попался нам заместитель начальника депо, который показал нам, что надо тушить в первую очередь, а машинистам что куда вывозить, а то бы не миновать еще большей беды... Как его звали-то, а, Савельич, помнишь?!

– Данилой вроде Козьмичом, – подумав, степенно отозвался сидящий напротив Игоря дядька в годах, – мы опосля с ним пол-литру за помин выпили, ну и так от нервов.

Игорь затряс головой, словно пытаясь избавиться от валивших в нее слов:

Пламя полыхало весь день и вечер и лишь поздней ночью очаги огня удалось локализовать. Последствия налета оказались поистине ужасающими. Были разбиты все причалы и дебаркадеры, сгорели сотни вагонов и различная техника. В результате Сталинградский фронт в критический момент лишился большей части запаса артбоекомплектов. Поселок выгорел на 80%, при этом погибли и получили ранения сотни жителей. Станция Сарепта была практически стерта с лица земли. Ни зениток, ни авиации, ни хера – и вот результат, – пронеслось в голове.

Потом кто-то мимоходом сообщил, что будто вчера из Москвы по поручению Сталина прилетел в город сам начальник генерального штаба генерал-полковник Василевский.

– Да нет, – возражали тому с усмешкой – это Еременко прилетел: сейчас, поди, у нас тут начальник на начальнике едет и начальником же погоняет.

– Говорят, что под усиленной охраной он поехал осматривать оборонительные обводы, – вполголоса продолжал первый.

– Неспроста это, вот увидите.

– Неужто немец и сюда дойдет, – выругался незнакомый Игорю речник, подошедший позже остальных.

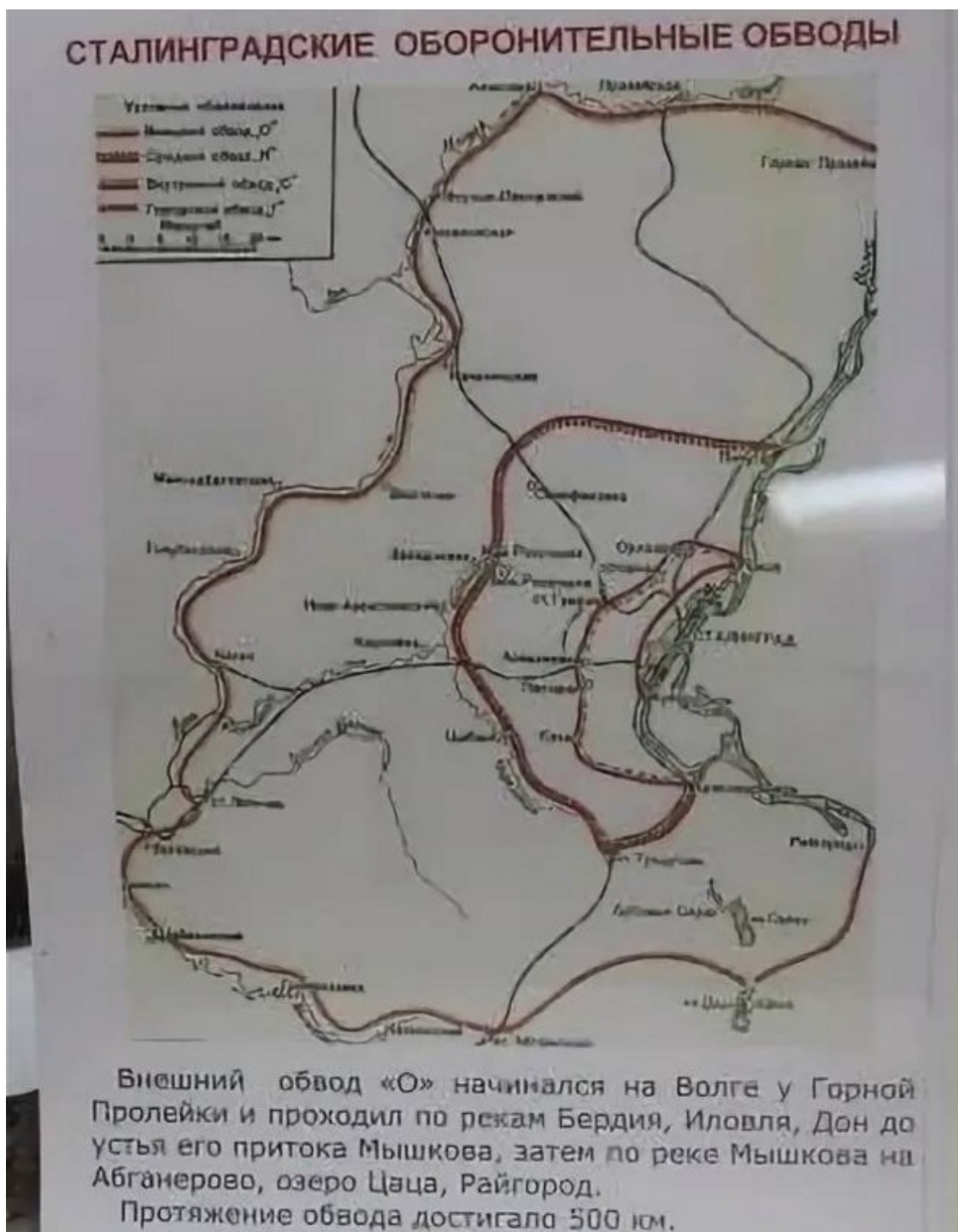
– Да типун тебе на язык! – зашумели на него.

– А зачем тогда он тута понадобился? Видимо, не все так просто, раз прислали, – не унимался тот.

В голове Игоря мелькнуло:

Средний, или второй, обвод «К» от Пичуги на Волге шел на запад, огибал с северо-запада Самофаловку, направляясь далее по рекам Россошка, Червленая к станции Тундутово, откуда поворачивал на Красноармейск. Его протяжение составляло около ста пятидесяти километров.

Внутренний обвод «С» проходил по линии от Рынка на Волге через Орловку, станцию Гумрак, Алексеевку, Елхи, Красноармейск. Протяжение обвода – до семидесяти километров.

Потом в голове сразу же всплыл еще один документ:

**КОМАНДУЮЩЕМУ ЮГО-ВОСТОЧНЫМ И СТАЛИНГРАДСКИМ ФРОНТАМИ т.
ЕРЕМЕНКО**

НАЧАЛЬНИКУ ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ

15 августа 1942 г. 15 час. 45 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования п р и к а з а л а:

Строительство рубежей по директиве ВС Стал. фронта №00260/оп воспретить. Отданное приказание по строительству рубежей ВС фронта от 12.8.42 отменить. Основное внимание, все силы и средства обратить на развитие и окончание строительства рубежей «О», «К», «С» и «Г». Одновременно ставлю Вас в известность, что Ставкой намечен к строительству полевой оборонительный рубеж севернее Сталинграда, фронтом на юг, по линии: Верх. Карачан, Грачи, Киквидзе, Тростянка, Кувишинов, Бол. Костарево, Белогорка до р. Волга. Указания о строительстве последуют дополнительно.

№ УР/173

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования

Начальник Генерального штаба, генерал-полковник Василевский

– Ясно дело, рубежи поехал смотреть, что еще осенью начали рыть и по весне во многих местах продолжили, – напирал, как потом выяснилось, Степан. – У меня женка с сестрой, почитай, два месяца там пробыли. До мозолей руки набили.

– И что? Мы вон с Серегой на пару тоже два месяца окопы рыли на гряде за аэродромом. Мужики зашумели еще больше, включаясь в завязавшийся разговор.

Тут его толкнули в коленку – это был Михалыч.

– Ну, что скажешь?

– Ты про тримараны слышал? – садясь, не очень громко неожиданно спросил его Игорь.

– Чего? – удивился тот, – какие три кармана?!

– Судно, у которого три корпуса: один главный и два по бокам, – и он пальцем начертил на песке схему из трех огурцов.

Михалыч посмотрел и хмыкнул:

– Получается, площадь корабля вырастает, а давление на воду и ее сопротивление уменьшаются.

– Именно. Плюс вырастает остойчивость.

– Так ты, что, предлагаешь переделать наш баркас по такой схеме? – сообразил речник.

– Точно так. И переделать нужно за два-три дня.

– Почему?

– Потому что война уже дошла до Сталинграда и совсем скоро здесь начнется ад, – ответил Игорь, замечая, что к их разговору прислушиваются, – помяни мое слово – через пару-тройку дней горком объявит об эвакуации населения, и всю эту массу народа нужно будет везти на тот берег. Ты представляешь, сколько это человек?!

Михалыч недобро прищурился, глянул на остальных:

– Слышал, Савельич, что паря гуторит?

– Слышал, конечно.

– И что думаешь?

– Что думаю, – подошел он к ним, смотря на рисунок, – дело он говорит. Считай, за один рейс раза в три больше можно будет народу брать, а то и в четыре. В городе-то полмиллиона душ будет, а может и больше, почитай, все семьсот тыщ. А на эдакой маране можно будет даже грузовик перевезти. Или пару пушек. Вон танки у Рынка на спаренных баржах перевозят, так мы чем хуже.

– Так, по-вашему, мы город немцу сдадим?! – закипел Михалыч, поочередно смотря на каждого из них. – Да за такие разговоры вы знаете, что с вами нужно сделать! – Он коротко выругался, – а вы что думаете, товарищи?

В наступивший тишине раздался голос парнишки: – Иван Михайлович, мне нужно вам кое-что сказать.

– Ну что ж, валяй.

Василий подошел к речнику и стал громким шепотом, так, что было слышно отдельные слова, что-то рассказывать.

Про госпиталь, смекнул Игорь, смотря, как медленно спадает напряжение с лица Михалыча.

– Говоришь, негласный приказ пришел? – громко спросил он еще раз Василия.

– Да, пришел – мне тетка вчера сказала.

Михалыч потер подбородок, еще раз глянул из-под кустистых бровей на Игоря и, как ни в чем не бывало, стал спрашивать дальше.

– А из чего боковые корпуса делать – они ведь при первой пробоине нас на дно потащат?! –

– Пилим цистерну или трубу большого диаметра вдоль, набиваем деревом под завязку, лучше пробкой и завариваем, потом готовый поплавок сажаем на поперечные балки и привариваем их к баркасу, делаем общую палубу, – стал объяснять Игорь, – пробка может быть либо на лесопильном, либо на ликероводочном. Только с осадкой нужно рассчитать, чтобы нос приподнялся.

– А ведь точно, – влез сидевший рядом Николай, рассматривая выведенные на песке огурцы – мы тогда в скорости почти не потеряем, даже выиграем.

– И пулеметов поставим штуки три, не меньше, – серьезно добавил его товарищ Петр, что недавно поносил фрицев, – тут, тут и тут, – и ткнул пальцем в рисунок Игоря, – а то и цельную зенитку.

Игорь смотрел на речников и видел очередную перемену, что происходила прямо на глазах: разговор превращался в дело, люди точно знали теперь, что и как можно сделать, чтобы их послужившие мирные суда теперь предстали в новом обличье.

– Что тогда стоим? – подвел черту Михалыч, – так, Василий, вместе с Петром дуйте на спиртовой на счет пробки, а мы здесь на завод зайдем. Петр Васильевич, звони на судоремонтный Заславскому, спроси у него, как быстро они смогут все сделать.

По дороге Михалыч допытывался у Игоря, откуда он знает корабельное дело, а Игорь героически врал про то, что где-то прочитал, когда-то даже расчеты пытался делать, а тут вот пришло на ум.

Раз простые буксиры Волжской флотилии позднее переделают в канонерские лодки, установив на них артиллерийские орудия и нарастив дополнительной защитой борта, то почему бы не замахнуться на цельный тримаран, думал Игорь, вспоминая, что семь буксиров-плотоводов реально стали канонерскими лодками Волжской флотилии, но уже военной. Две из них были даже награждены орденами Красного Знамени. Капитаны же этих бывших плотоводов несли на канонерках лоцманскую службу, машинные команды состояли преимущественно тоже из речников пароходства.

Глава 8

Через полтора часа, когда все собрались вновь, картинка по переоборудованию баркаса практически сложилась: к большому удивлению Игоря, все исходные части, необходимые для создания тримарана, были в наличии; надо было только их собрать воедино – и бархат амурский, что когда-то привезли с Дальнего Востока, и брошенные цистерны от бензовозов, и стальные балки, и даже док, где можно было встать. Попутно он рассказал ему, что на лесопильном рабочие с начала месяца переделывают спаренные баржи в паромы, делая из деревянных брусьев настилы, что несколько пароходов уже производили эвакуацию скота и сельскохозяйственной техники с их помощью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.